

С Даниэла СТИЛ

РОМАН О ГОРОДЕ ЛЮБВИ

ПЯТЬ ДНЕЙ В ПАРИЖЕ

Даниэла Стил

Пять дней в Париже

«ЭКСМО»

1995

Стил Д.

Пять дней в Париже / Д. Стил — «Эксмо», 1995

ISBN 978-5-699-81242-4

Питер Хаскелл – успешный бизнесмен, в руках которого власть и деньги. Ради карьеры и семьи он не боится бросить вызов жизненным преградам. Мужчина смело идет к поставленным целям. Пока однажды не встречает Оливию Тэтчер, жену известного сенатора. Вихрь чувств и страстей сплетает воедино их совершенно разные судьбы. Пять дней в Париже – все, что у них есть... Какие трудности ждут их впереди? Жизнь ставит Оливию и Питера перед выбором: быть счастливыми или смириться с судьбой... Возьмут ли чувства верх над долгом и совестью?

ISBN 978-5-699-81242-4

© Стил Д., 1995

© Эксмо, 1995

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Даниэла Стил

Пять дней в Париже

Никогда не расставайтесь с мечтой и, если сможете, найдите мужество влюбиться снова.

Д.С.

Пять минут... пять дней... и вся жизнь изменилась в одночасье.

Danielle Steel

FIVE DAYS IN PARIS

Copyright © 1995 by Danielle Steel

© Бушуев А., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Самолет, на котором летел Питер Хаскелл, совершил плавную посадку в аэропорту «Шарль де Голль», и спустя несколько минут Питер с портфелем в руке уже шагал по терминалу аэропорта. Несмотря на необычайно жаркую погоду и длинную очередь к посту паспортного контроля, он улыбался. Питер Хаскелл любил Париж.

В Европе он бывал по четыре-пять раз в году. Руководимая им фармацевтическая фирма имела исследовательские центры в Германии, Швейцарии и Франции, а также крупные лаборатории и заводы в Англии. Питеру нравилось приезжать сюда: ему было интересно обмениваться идеями с учеными из исследовательских групп, разрабатывать новые рыночные стратегии, что, кстати, у него хорошо получалось. Но на этот раз приезд в Европу означал нечто большее, нежели обычную деловую поездку или презентацию новой продукции.

На этот раз он прибыл в Европу для того, чтобы получить окончательный результат тестов нового препарата под условным названием «викотек». Это было его детище, мечта всей его жизни. Викотеку предстояло коренным образом повлиять на жизнь многих людей и их отношение к такой страшной болезни, как рак. Новый препарат должен радикально изменить курс лечения, более того – саму суть химиотерапии. Это будет главным подарком Питера всему человечеству.

Последние четыре года, помимо своей семьи, Питер жил именно ради этой благой цели. Не говоря уже о том, что викотек принесет миллионы долларов прибыли корпорации «Уилсон-Донован». Нет, даже не миллионы, в течение ближайших пяти лет доходы корпорации ожидалось миллиардные. Впрочем, для Питера деньги были не главное.

Главным была человеческая жизнь и ее качество. Жизнь потускневшая, трепещущая, слабая, словно огонек свечи в гнетущей тьме онкологических заболеваний. Викотек поможет больным людям. Поначалу Питеру это казалось бесплотной мечтой, теперь же от окончательной победы их отделяли считанные дюймы. Питер каждый раз испытывал волнение при мысли о том, что должно произойти в ближайшее время.

Пока что самые последние результаты исследований были обнадеживающими. Лабораторные испытания, проведенные в Европе, отвечали куда более жестким требованиям, нежели те, что были сделаны в Штатах.

Сомнений не оставалось: препарат готов к клиническим испытаниям. Теперь, как только они получат разрешение FDA¹, можно будет двинуться дальше, к первой фазе испытаний на людях. Сначала они станут давать минимальные дозы препарата ограниченной группе хорошо информированных пациентов, добровольно пожелавших принимать новое лекарство, и наблюдать за его действием.

Корпорация «Уилсон-Донован» представила заявку в FDA еще несколько месяцев назад, в январе. Благодаря информации, которой они располагают в данный момент, сейчас можно будет просить о включении викотека в программу ускоренного одобрения, чтобы максимально форсировать испытания на пациентах. И как только FDA сочтет новый препарат эффективным и безопасным, их компания незамедлительно приступит к его массовому производству. При ускоренном одобрении появлялась возможность существенно сократить всю цепочку бюрократической процедуры и сэкономить драгоценное время, что особенно важно в случае производства лекарств для лечения тяжелых заболеваний.

Получив одобрение FDA, они начнут тестирование препарата с группы в сто человек. Эти люди подпишут документ о своем добровольном участии в эксперименте. Все они тяжело

¹ FDA – Food and Drug Administration – Управление по контролю за продуктами и лекарствами (США). *Здесь и далее примечание переводчиков.*

больны, и новый препарат, даже если его прием и сопряжен с известным риском, – их последняя надежда. Обычно люди, подписывающие подобного рода согласие, бывают благодарны за любой шанс на улучшение и с готовностью идут на сотрудничество.

В корпорации «Уилсон-Донован» надеялись как можно быстрее перейти к новому этапу – начать клинические испытания на добровольцах. Именно по этой причине так важно убедиться в безопасности викотека еще до начала слушаний в FDA, которые состоятся в сентябре и, как хотелось надеяться, приведут к включению препарата в программу ускоренного одобрения. Питер был абсолютно уверен: тестирование, которое завершает Поль-Луи Сушар, глава парижской лаборатории, подтвердит хорошие результаты, которые он только что получил в Женеве.

– Туристическая или деловая поездка? – нарушил его размышления служащий паспортного контроля. Впрочем, ставя штампик в его паспорте, он едва удостоил Питера взглядом и лишь мельком посмотрел на фото.

Питер был привлекательным темноволосым мужчиной с голубыми глазами. Он выглядел гораздо моложе своих сорока четырех лет: высокий, с правильными чертами лица. Не удивительно, что многие считали его красавцем.

– Деловая, – ответил он с нескрываемой гордостью.

Викотек. Победа. Спасение всех несчастных, что до сих пор были вынуждены терпеть адские муки химиотерапии.

Таможенник протянул Питеру паспорт. Тот взял портфель и вышел из терминала на стоянку такси. Стоял чудесный, солнечный июньский день. Поскольку в Женеве больше делать было нечего, Питер прилетел в Париж на день раньше. Он любил этот город: ему будет нетрудно найти себе здесь занятие. Пусть даже просто бродить по набережным Сены. Или, может, сразу позвонить Сушару? Вдруг тот согласится встретиться с ним раньше? С другой стороны, сегодня воскресенье, день только начинается, а Поля-Луи он о своем прилете не предупредил.

Впрочем, Питер все равно собрался позвонить ему из отеля: вдруг тот сегодня свободен и согласится изменить время встречи.

Питер немного владел французским, но все переговоры с Сушаром вел на родном языке. Он многому научился с тех пор, как покинул Средний Запад. Даже таможеннику в аэропорту «Шарль де Голль» было очевидно: Питер Хаскелл – важная персона, человек деловой и успешный. Безупречные манеры, дорогой костюм. От его облика веяло уверенностью в себе. В свои сорок четыре года он возглавлял одну из крупнейших фармацевтических компаний мира. Он не был ученым, зато был блестящим маркетологом – так же как и председатель совета директоров Фрэнк Донован.

Кстати, жизнь сложилась так, что восемнадцать лет назад Питер Хаскелл женился на дочери Фрэнка. С его стороны этот брак не был заранее просчитанным «хитрым ходом». Сам Питер воспринимал это как чистой воды случайность, иронию судьбы, которой он сопротивлялся первые шесть лет их знакомства.

В его планы не входило жениться на Кейт Донован. Когда они познакомились, ему было девятнадцать лет и он даже не знал, кто она такая. Произошло это в Мичиганском университете. Сначала Кейт была для него симпатичной блондинкой-второкурсницей, с которой он познакомился на студенческой вечеринке, но после двух свиданий Питер безумно в нее влюбился. Они встречались пять месяцев, а затем кто-то отпустил шутку, что, мол, Хаскелл чертовски расчетлив, коль решил приударить за малышкой Кэти.

Потом ему все объяснили. Кейт была единственной наследницей капиталов корпорации «Уилсон-Донован», крупнейшей фармацевтической фирмы в стране. Питер отреагировал на это известие с пылом и наивностью двадцатилетнего юноши и еще долго злился на Кэти за то, что она ничего ему не сказала.

– Как ты только могла? Почему скрывала от меня, кто ты? – упрекал он девушку.

– А что я тебе должна была сказать? Предупредить, кто мой отец? Откуда мне было знать, что для тебя это так важно.

Кэти страшно на него обиделась, а еще больше – испугалась, что Питер ее бросит. Она видела, какой он гордый, и знала, как бедны его родители. Питер признался ей, что они лишь в этом году смогли выкупить молочную ферму, на которой его отец проработал всю свою жизнь. Сама ферма была заложена-перезаложена. Питер вечно опасался, что их семейный бизнес прогорит и ему придется бросить университет и вернуться домой, в Висконсин, чтобы помогать родителям.

– Ты прекрасно знаешь, что мне не все равно. Что же мне теперь делать?

Питер прекрасно понимал: ему не попасть в ее мир. Он чужак в ее окружении и никогда не сможет вписаться в него. Кэти же ни за что не станет жить на ферме в Висконсине. Она объездила почти весь мир и с детства привыкла к комфорту. Ситуация усложнялась тем, что Питер, по большому счету, ощущал себя чужаком и в том мире, который окружал его с самого рождения. Как ни пытался он стать своим среди сельских жителей, он всегда отличался от них, как любой горожанин.

Он ненавидел ферму, на которой вырос, и еще ребенком мечтал когда-нибудь перебраться в Нью-Йорк или Чикаго и стать частичкой делового мира. Питер терпеть не мог свои ежедневные обязанности по хозяйству – доить коров, собирать в стог сено и убирать навоз в коровнике. После занятий в школе он помогал отцу: и когда тот лишь арендовал ферму, и позднее, когда она перешла в его собственность. Питер знал, чем это ему грозит. По окончании колледжа ему придется вернуться домой и помогать родителям. Подобная перспектива вселяла в него ужас, однако он не искал легких путей к отступлению.

Он верил, что делает то, что предписано ему судьбой, что выполняет свои обязанности, не хитря и не ища лазеек. По словам матери, он всегда был хорошим сыном.

Узнав, кто такая Кейт, Питер решил расстаться с девушкой. Его чувства к ней были совершенно искренними, но окружающие могли подумать, будто он просто пытается с ее помощью пробиться наверх. Да, она хорошенькая, да, он влюблен в нее, но ведь другим людям этого не объяснишь. Питер был настроен решительно, и через две недели после того, как он узнал о материальном положении Кейт, они расстались. Какие бы доводы против разрыва она ни приводила, Питер был непреклонен. Кэти сильно переживала расставание. Впрочем, и сам Питер расстроился гораздо больше, нежели был готов признаться себе самому. Он окончил третий курс и в июне вернулся домой, в Висконсин, чтобы помочь отцу по хозяйству.

Ближе к концу лета он решил взять академический отпуск, надо было поспособствовать родительскому бизнесу стать на ноги. Предыдущая зима выдалась нелегкой. Питер решил, что сможет применить на ферме новые знания, приобретенные в колледже.

И он бы наверняка так и сделал, но вскоре получил повестку в армию и попал во Вьетнам. Он провел год под Данангом и, когда после отпуска вернулся в строй, его отправили в Сайгон, в армейскую разведку. Это было сложное для него время. Когда Питер вернулся домой из Вьетнама, ему было двадцать два, его мучили жизненно важные вопросы, на которые он не находил ответа.

Питер четко представлял, чем хочет заниматься, чему посвятить свою жизнь. На отцовскую ферму возвращаться не хотелось, хотя он и понимал, что это его долг. Пока он воевал во Вьетнаме, умерла мать. Питер знал, как тяжело перенес эту утрату отец.

Ему оставался всего год учебы в колледже, но возвращаться в университет Мичигана он не желал, чувствуя, что перерос его. Вписаться в обыденную жизнь мешал его вьетнамский опыт. Страна, которую он должен был ненавидеть, которая причинила ему массу страданий, теперь вызвала у него симпатию. Питер искренне привязался к ней и с неохотой ее покинул.

Во Вьетнаме у него была пара любовных интрижек, главным образом с женщинами из числа вольнонаемных армии США, а также с одной красивой вьетнамкой. Эти отношения

имели характерную особенность – никто не строил планов на будущее, ибо завтрашний день мог просто не наступить. Питер ни разу не написал Кэти Донован, хотя сам получил от нее рождественскую открытку. Вернее, открытку переслали ему во Вьетнам из Висконсина, куда Кэти отправила ее, не зная другого адреса Питера. Поначалу, в Дананге, Питер часто ее вспоминал, однако вскоре решил, что будет проще, если он не станет ей писать и постарается забыть как можно скорее.

Да и что он мог сказать ей? Извини, ты такая богатая, а я так беден... радуйся жизни у себя в Коннектикуте, а я буду выгребать навоз из коровника на ферме в Висконсине до конца моих дней... всего тебе хорошего...

Но как только он вернулся домой, стало очевидно: на ферме ему не место. Даже отец понял это и сам уговаривал его поехать в Чикаго и заняться поисками работы.

Питер без особых усилий нашел себе место в маркетинговой фирме, по вечерам продолжал учебу и спустя какое-то время получил диплом. Он уже работал, когда, случайно попав на вечеринку, устроенную его другом из Мичигана, встретил на ней Кэти. Она сменила место учебы и теперь тоже жила в Чикаго, где вскоре должна была закончить Северо-Западный университет².

Стоило Питеру увидеть ее, как прежние чувства захлестнули его. За эти три года, что они не виделись, она еще больше похорошела. И теперь одного взгляда на Кейт было достаточно, чтобы у него все затрепетало внутри.

– Что ты делаешь в Чикаго? – нервно спросил Питер, как будто ей полагалось существовать лишь в его воспоминаниях.

Ее образ преследовал его несколько месяцев после того, как он ушел из колледжа, но особенно в первые дни армейской службы. Однако Питер уже давно оставил воспоминания о ней в прошлом, надеясь, что навсегда. И вот сейчас, стоило увидеть ее опять, они нахлынули на него с новой силой.

– Заканчиваю учебу, – ответила Кэти, растерянная и смущенная неожиданной встречей.

Питер тоже изменился за эти годы, стал выше и стройнее. Волосы его потемнели, еще сильнее подчеркивая голубизну глаз. Внешность его обрела резкость и выразительность по сравнению с тем образом Питера, что сохранился в ее воспоминаниях. Кэти все это время не забывала его. Питер был единственным, кто расстался с ней из-за разницы в их положении, а также из-за своей упрямой убежденности в том, что он никогда не сможет дать ей то, к чему она привыкла.

– Я слышала, ты был во Вьетнаме, – тихо сказала Кэти. Питер кивнул в ответ. – Там, наверное, было ужасно.

Она боялась неверным словом или жестом отпугнуть его, сделать что-то не так.

Помня о его гордом характере, она, глядя на него, понимала: Питер по-прежнему считает, что их разделяет пропасть. Он, в свою очередь, внимательно разглядывал ее и мысленно прикидывал: интересно, какой она стала и что ей от него нужно? Но Кэти выглядела такой невинной и милой. Несмотря на разницу в их социальном положении, она не представляла для него угрозы, которая – как он вбил себе в голову – якобы исходила от нее.

Тогда ему казалось, что Кейт – этакое вечное напоминание о прошлом, которое уже не вернуть, и о будущем, о котором он мечтал, но не знал, как его воплотить в жизнь. С тех пор он повидал мир и сейчас, глядя на Кэти, не мог понять, почему, собственно, когда-то он видел в ней угрозу для себя. Сейчас он не находил в ней ничего опасного. Да что там! Она казалась ему такой юной, наивной и неотразимо красивой!

² Северо-Западный университет – один из старейших университетов штата Иллинойс, основанный в 1842 году. Основной кампус находится в пригороде Чикаго Эванстоне.

В тот вечер они проговорили несколько часов, а потом он проводил ее до дома. А затем, укоряя себя в слабохарактерности, позвонил ей. На первых порах Питер даже убедил себя, что они с Кейт просто друзья, хотя самообман продлился недолго. Но он точно знал, что хочет быть с ней рядом. Кэти отличалась острым умом, с ней было весело, она хорошо понимала его чувства, понимала его неприкаянность и одобряла желание существенно изменить свою жизнь.

Когда-нибудь – в далеком будущем – он мечтал изменить мир, если не радикально, то хотя бы чуть-чуть. Она же была единственным человеком в его жизни, кто понимал это. В ту пору Питер мечтал о многом и надеялся на успех. И вот теперь, двадцать лет спустя, викотек станет воплощением всех его юношеских мечтаний.

В аэропорту Питер взял такси. Водитель положил его сумку в багажник и наметанным взглядом оценил своего пассажира. Клиент – человек солидный, с общественным положением, но не спесивый и заносчивый тип. Глаза светятся добротой и умом. Главное дело в самом человеке, а не в прекрасно сшитом костюме, накрахмаленной белой рубашке, галстук от «Гермес» и дорогом портфеле.

– Жарковато, как по-вашему? – заметил Питер по пути в город, и водитель согласно кивнул.

По акценту пассажира было несложно догадаться, что это американец, который, однако, неплохо говорит по-французски. Таксист ответил ему на родном языке, но четко и медленно, чтобы Питер его понял.

– Всю неделю стоит хорошая погода. Вы прилетели из Америки? – полюбопытствовал он. Питер неизменно располагал к себе людей, и они всегда тянулись к нему, даже если обычно внешне сохраняли сдержанность. В данном случае таксиста впечатлило, что пассажир прилично говорит по-французски.

– Нет, из Женевы, – объяснил Питер, и в салоне машины наступило молчание.

Питер подумал о Кэти. Как жаль, что она не путешествует вместе с ним. Но, увы, она всегда оставалась дома. Сначала дети были маленькими, позднее у нее появились свои дела, связанные со всевозможными общественными обязанностями. За все эти годы она составила ему компанию в деловых поездках разве что пару раз. Однажды они вместе слетали в Лондон, и еще раз – в Швейцарию. В Париже они никогда не бывали вместе.

Париж неизменно оставался для Питера особым местом: воплощением всего, о чем он когда-то мечтал. Он долгие годы упорно трудился, чтобы добиться всего, что у него есть сейчас, даже если со стороны могло показаться, что удача сама плыла к нему в руки. Но он, как никто другой, знал, что это не так. В его жизни не было ничего, что он получил просто так, как говорится, «за красивые глаза». Если хочешь в этой жизни чего-то добиться – трудись, иного не дано.

После их встречи с Кэти в Чикаго они продолжали поддерживать отношения еще два года. Окончив университет, она осталась в Чикаго: нашла работу в картинной галерее, чтобы быть ближе к Питеру. Теперь она была до безумия в него влюблена, однако он категорически запретил себе даже думать о женитьбе на ней. Более того, он по-прежнему считал, что им не стоит встречаться, а ей лучше вернуться в Нью-Йорк и связать свою судьбу с другим мужчиной.

Но не в силах Питера было приказать себе порвать с ней или заставить ее сделать то же самое. К этому времени они сильно привязались друг к другу, и Кэти не сомневалась, что он по-настоящему ее любит. В конце концов в дело вмешался ее отец. Ему нельзя было отказать в уме и дальновидности. Он не стал говорить с Питером о дочери, ограничившись обсуждением своего бизнеса. Деловое чутье подсказывало ему, что это лучший способ расположить к себе Питера. Фрэнк Донован хотел, чтобы Кэти и ее кавалер перебрались в Нью-Йорк. И сделал все, что в его силах, чтобы помочь дочери уговорить Питера.

Как и Питер, Фрэнк был прекрасным специалистом по части маркетинга, если не сказать – гениальным маркетологом. Он поговорил с Питером о его карьере, его планах на будущее.

Услышанное ему понравилось, и Фрэнк предложил ему работу в корпорации «Уилсон-Донован». Но ни разу не заговорил о личных отношениях Питера и Кэти. Более того, утверждал, что дочь здесь совершенно ни при чем и не имеет к сделанному деловому предложению никакого отношения.

Фрэнк заверил Питера, что, работая в компании «Уилсон-Донован», тот может сделать блестящую карьеру, а также пообещал, что никому даже в голову не придет, что Питер получил работу благодаря знакомству с Кэти и ее отцом. По словам Фрэнка, их отношения – сугубо личное дело их двоих. А вот о столь заманчивом карьерном предложении стоит задуматься, и Питер прекрасно это понимал. Несмотря на все его тогдашние опасения, работа в крупнейшей нью-йоркской корпорации была пределом его мечтаний. Так же как и Кэти.

Он мучительно обдумывал предложение будущего тестя. Одолеваемый сомнениями, он позвонил отцу, и тот высказался за то, что принять предложение стоит. Питер даже съездил домой, в Висконсин, чтобы в выходные обстоятельно поговорить на эту тему. Отец, разумеется, желал для сына самого лучшего будущего и настоятельно советовал ему принять столь перспективное предложение, угадывая в сыне то, что тот еще сам в себе не вполне осознавал.

Питер обладал несомненными качествами лидера, какие имелись далеко не у каждого мужчины, а также внутренней силой и стойкостью. Отец знал: если Питер за что-то брался, на него можно всецело положиться, ибо работа будет сделана качественно. Интуиция подсказывала ему, что работа в корпорации «Уилсон-Донован» станет для его сына лишь началом блестящей карьеры. В свое время, когда Питер был еще ребенком, он частенько дразнил жену, утверждая, что в один прекрасный день их сын станет президентом или, по меньшей мере, губернатором штата Висконсин. И порой супруга была склонна верить, что Питера ждет большое будущее.

Его сестра Мюриэл говорила то же самое. Для нее брат всегда был героем, еще до Вьетнама и отъезда в Чикаго, и даже еще до того, как он стал учиться в колледже. Было в нем нечто особое. Мюриэл сказала брату то же самое, что и отец: отправляйся в Нью-Йорк и добейся успеха. Она также интересовалась у него, собирается ли он жениться на Кэти, однако Питер неизменно отвечал, что не собирается, чем всякий раз огорчал сестру. По ее мнению, о такой чудесной девушке, как Кэти, можно только мечтать. Мюриэл искренне восхищалась ее красотой, разглядывая фотографии, которые Питер носил с собой.

Отец не раз приглашал Питера приехать к ним вместе с Кэти, но Питер каждый раз повторял, что не хотел бы вселять в нее ложные надежды на их общее будущее. Даже если Кэти понравится на ферме и Мюриэл научит ее доить коров, что из этого? Это все, что он способен дать Кэти. Но зачем ей деревенская жизнь с ее ежедневными тяготами?

Что касается их семьи, то такая жизнь раньше времени свела в могилу его мать. Она умерла от рака, не получив достойной медицинской помощи, ибо не имела на нее средств. У отца даже не было медицинской страховки. Он всегда считал, что жена умерла от бедности и тяжелой работы, выпавшей на ее долю. Питер понимал, что не имеет права обречь Кэти на столь убогое существование и даже в мыслях не допускал, чтобы она хотя бы краем глаза увидела эту жизнь. Его сестра в свои двадцать два года выглядела гораздо старше своих лет, ей можно было дать все тридцать, если не больше, что неудивительно. Она рано, сразу по окончании школы – Питер тогда был во Вьетнаме, – вышла замуж за своего одноклассника и за три года родила троих детей.

Питер искренне желал сестре счастья и благополучия, но, увы, одного взгляда на нее достаточно, чтобы понять: это нереально. Ей не удалось даже получить образование в колледже. Теперь Мюриэл уже ни за что не вырваться из капкана сельской жизни. И она сама, и Питер прекрасно знали: ей с мужем суждено до конца их дней работать на ферме. До тех пор пока они или не уйдут из жизни или не лишатся фермы. Третьего не дано. А вот Питер может рассчитывать на нечто большее. И Мюриэл, понимая это, нисколько не обижалась, желая брату

лучшей судьбы. Фигурально выражаясь, море расступилось перед ним, и единственное, что ему осталось, – это ступить на путь, предложенный Фрэнком Донованом.

– Не раздумывай, Питер, – шепнула брату Мюриэл, когда тот приехал на ферму, чтобы обсудить с ними свое будущее. – Отправляйся в Нью-Йорк. Папа тоже этого хочет. Мы все этого хотим.

Питера не оставляло ощущение, что отец и сестра советуют ему спастись, выбираться на сушу, бежать как можно дальше от той жизни, в которой он точно утонет. Близкие хотели, чтобы он уехал в Нью-Йорк и начал там новую, счастливую жизнь.

Уезжая в тот уик-энд с фермы, он ощущал шемящую боль. Отец и сестра стояли возле дома и махали ему вслед до тех пор, пока его машина не исчезла из вида. Наверное, все трое понимали: это важный момент в его жизни. Более важный даже, чем учеба в колледже. Более важный, чем Вьетнам. Питер только что разорвал пуповину, связывавшую его с родным домом.

Вернувшись в Чикаго, Питер провел ночь в одиночестве. Он не стал даже звонить Кэти. Зато на следующее утро связался с Фрэнком и заявил, что принимает его предложение. Боже, как же при этом дрожала его рука, сжимавшая телефонную трубку!

Через две недели Питер приступил к работе в корпорации «Уилсон-Донован», где работает и по сей день. Переехав в Нью-Йорк, он каждое утро просыпался, ощущая себя таким победителем конного дерби в штате Кентукки.

Кэти, работавшая в художественной галерее в Чикаго, ушла оттуда в тот самый день, когда он приехал в Нью-Йорк, и вернулась в родительский дом.

Фрэнк Донован был доволен. Его план удался – дочь вернулась домой, а он нашел умного и способного сотрудника с явным талантом маркетолога. Для всех заинтересованных лиц все обернулось несомненным благом.

Следующие несколько месяцев Питер сосредоточился в основном на работе, отодвинув личные отношения с Кэти на второй план. Сначала ее это сильно раздражало, но когда она пожаловалась отцу, тот мудро посоветовал дочери проявить терпение.

В конечном итоге Питер освоился на новом месте, перестал нервничать и ощущать себя новичком. Он аккуратно и четко выполнял свои обязанности, всячески стремился оправдать доверие Фрэнка и продемонстрировать ему свою лояльность.

Питер даже перестал ездить домой в Висконсин – не было времени. Однако позднее, к вящему облегчению Кэти, все же перестал отдавать себя без остатка работе и научился строить свой рабочий график так, чтобы в нем находилось место для отдыха и развлечений. Они стали посещать вечеринки и ходить в театр, Кейт познакомила его со своими друзьями. К своему удивлению, Питер поймал себя на том, что ему нравится их общество. Более того, он понял, как легко и непринужденно он чувствует себя в ее обычном окружении.

В последующие месяцы мало-помалу все то, что раньше настораживало Питера в Кэти, перестало его беспокоить. Карьера понемногу набирала обороты, и, к великому изумлению Питера, никто не удивлялся ни его успехам, ни тому, с какой легкостью он получил столь престижную работу. Напротив, все ему симпатизировало и всячески его привечало. Подвластные очередному порыву взаимных чувств, они с Кейт через год обручились. И вновь это событие не вызвало удивления ни у кого, за исключением, пожалуй, самого Питера.

Впрочем, он знал Кэти уже давно и теперь чувствовал себя в ее мире вполне комфортно, свыкшись с тем, что он в нем не чужой. Даже Фрэнк Донован заявил, что Питер с Кэти созданы судьбой друг для друга. Кэти с улыбкой восприняла слова отца. Она ни секунды не сомневалась, что Питер станет ее мужем. Она всегда это знала и всегда к этому стремилась.

Мюриэл от души порадовалась за брата, когда тот позвонил ей, чтобы сообщить эту новость. Против предстоящего брака, к великому огорчению Питера, высказался только отец. Хотя отец всячески выступал за то, чтобы сын согласился работать в фирме Донована, он в равной степени был настроен против его женитьбы на дочери этого человека. Отец был абсо-

лютно убежден, что в конечном итоге сын до конца своих дней будет сожалеть об этом опрометчивом шаге.

– Ты всегда будешь для них батраком, если женишься на ней, сынок. Это неправильно, несправедливо, но так уж получается. Всякий раз глядя на тебя, они будут вспоминать, кем ты был раньше и кем стал теперь.

Питер отмахнулся от его доводов. Он уже с комфортом устроился в мире Кэти, обжился в нем, врос в него, принадлежал ему. Его же собственный прежний мир давно отошел в прошлое, став частью чьей-то чужой жизни. Теперь ему порой казалось, что в Висконсине он вырос как будто случайно или даже как будто это был не он, а кто-то другой, и он не имеет к этому факту прошлого никакого отношения.

Даже Вьетнам казался ему более реальным, чем детство и юность, проведенные на ферме. Временами ему бывало трудно поверить в то, что он и в самом деле прожил там целых двадцать лет. Не прошло и года, как Питер стал бизнесменом и настоящим ньюйоркцем. К отцу и сестре он по-прежнему относился с любовью и знал, что так будет всегда. Однако мысль о жизни на ферме, как и раньше, повергала его в ужас. Но как ни пытался Питер убедить отца, что поступает правильно, тот отказывался принимать в расчет его аргументы.

Хаскелл-старший оставался на прежних позициях, не одобряя брак сына, однако, в конце концов, согласился приехать на свадьбу, скорее всего, лишь потому, что устал выслушивать доводы сына, пытавшегося доказать правильность этого шага.

Впрочем, неожиданно все вышло иначе. Питер ужасно расстроился, что Хаскелл-старший все-таки не появился на их с Кэти свадьбе. За неделю до торжественного дня, когда отец работал на тракторе, произошел несчастный случай. Отец повредил спину и сломал руку. Мюриэл в это время была беременна четвертым ребенком. Приехать сама она не могла, а ее муж Джек не захотел лететь в Нью-Йорк и оставлять ее одну.

Поначалу Питер чувствовал себя брошенным своей семьей, но вскоре это ощущение приутилось, и он снова окунулся в круговорот повседневных дел и забот.

Они с Кэти отправились в свадебное путешествие в Европу, а когда вернулись, у них так и не нашлось времени для поездки в Висконсин. Вечно мешали какие-то дела, другие планы, инициаторами которых зачастую становились Кэти или Фрэнк.

Но Питер пообещал отцу, что они приедут на Рождество и на этот раз ничто не помешает ему выполнить обещанное. Он не стал заранее говорить Кэти о своем намерении: решил сделать для нее сюрприз. Да и вообще, он уже начал подозревать, что это, пожалуй, единственный способ съездить наконец к родным.

Но накануне Дня благодарения с отцом случился инфаркт, от которого он скончался. Питер воспринял смерть отца близко к сердцу. Его не отпускало чувство вины и горечи. Так получилось, что Кэти так ни разу и не встретила с его отцом.

Питер взял ее с собой на похороны. Это было тягостное мероприятие, проходившее под проливным дождем. Кэти стояла рядом и выглядела бесчувственной, словно деревянной. Питер же чувствовал себя абсолютно потерянным. Мюриэл, стоя чуть поодаль, рядом с мужем и детьми, безутешно рыдала. Контраст между сельскими жителями и приезжими ньюйоркцами бросался в глаза. И Питер понял, насколько он отдалился от сестры и соседей, уехав отсюда, и как мало теперь между ними общего.

Кэти чувствовала себя в их обществе неловко и честно призналась в этом Питеру. Со своей стороны, Мюриэл тоже держалась с ней на удивление холодно, что, в общем, было ей не свойственно. Когда Питер попенял сестре на это, та заметила, что Кэти здесь чужая. Хотя она и жена Питера, она ни разу не соизволила навестить их, пока его отец был жив.

Кэти своим внешним видом, в дорогом черном пальто и меховой шапочке, резко выделялась на общем фоне. Было видно, что ей не терпится поскорее уехать, и Мюриэл сочла своим долгом сказать об этом вслух, к немалой досаде брата. Она отпустила еще какой-то резкий

комментарий в адрес Кейт, и они с Питером заговорили на повышенных тонах, а потом оба расплакались.

Когда же адвокат огласил текст завещания, это вызвало еще большее отчуждение между ними. Отец завещал ферму Мюриэл и Джеку, и Кейт не смогла сдержать своего возмущения, когда это услышала.

– Как он мог так с тобой поступить? – кипятилась она, когда они остались наедине в старой спальне со стенами, на которых давно облупилась краска, где кирпичный пол был покрыт старым линолеумом. Это убогое жилище разительно отличалось от того дома, который Фрэнк купил для них в Гринвиче. – Он оставил тебя без наследства! – не унималась Кейт.

Питер попытался объяснить ей ситуацию. Лично ему все виделось совсем иначе.

– Это все, что у них есть, Кейт. Это – ужасное, богом забытое место. Здесь – вся их жизнь. У меня есть карьера, хорошая работа, у меня есть ты. Мне ничего здесь не нужно. Я никогда не хотел жить на ферме, и отец это знал.

Питер считал отцовское решение совершенно справедливым. Он хотел, чтобы ферма досталась Мюриэл. Для нее и Джека она значила все на свете.

– Вы могли бы продать ферму и поделить вырученные деньги. Мюриэл с семьей могла бы перебраться в место получше, – резонно рассудила Кейт, в очередной раз продемонстрировав Питеру, что ничего не поняла в их семейных делах.

– Они на это никогда не пойдут, Кейт. Кстати, именно такого поворота событий папа и опасался. Он не хотел, чтобы мы продавали ферму. Он всю свою жизнь положил на то, чтобы накопить денег и ее выкупить.

Кейт не сказала ему, каким кошмаром ей казалась ферма, но он понял это по ее взгляду, брошенному на него. Понял и по установившемуся между ними напряженному молчанию.

Что касалось Кейт, то ей ферма показалась даже ужаснее, чем она представляла себе по рассказам Питера, когда они еще учились в колледже. Какое счастье, с облегчением подумала она, что они больше никогда не вернуться сюда. После того как отец оставил его без наследства, Питеру не было никакого смысла сюда приезжать. Пусть Висконсин отойдет в далекое прошлое. Питер же должен двигаться вперед и только вперед.

Мюриэл все еще была в расстроенных чувствах, когда они уезжали. У Питера возникло неприятное ощущение, будто он навсегда прощается не только с отцом, но и с сестрой. В общем, все получилось так, как хотела Кейт, хотя она никогда не осмелилась вслух сказать об этом Питеру: чтобы все его привязанности, все его симпатии и чувства принадлежали лишь ей одной. Она как будто ревновала его к сестре и той части его жизни, которую та олицетворяла. И то, что он не получил положенной ему доли наследства, стало подходящим поводом, чтобы раз и навсегда покончить с его сельским прошлым.

– Ты правильно поступил, когда уехал отсюда, – осторожно заметила Кейт, когда они покидали ферму. Она как будто не замечала того, что в глазах Питера застыли слезы. Больше всего на свете в эти минуты ей хотелось поскорее вернуться в Нью-Йорк. – Питер, пойми, ты здесь чужой, – решительно добавила она спустя какое-то время.

Он было возразил ей, что она ошибается, хотел постоять за родных хотя бы из семейной солидарности. Увы, в глубине души он понимал: Кейт права, отчего на него нахлынуло еще большее чувство вины. Он здесь чужой, да и никогда, в общем-то, не был своим.

Когда в Чикаго они сели на самолет, у Питера как будто камень свалился с души. Он снова сбежал. Подсознательно он боялся, что отец завещает ферму ему, и тогда пришлось бы ею как-то заниматься, тратить на нее время и силы. Однако отец оказался мудрым и дальновидным. Он знал своего сына лучше, чем тот знал себя. Теперь у Питера были развязаны руки. Ферма ему не принадлежала, не грозила поглотить с головой, как он того опасался. Наконец он обрел свободу. А фермой пусть занимаются Мюриэл и Джек. Теперь это их проблемы.

Самолет оторвался от взлетной полосы, взял курс на аэропорт имени Кеннеди, и Питер понял: он навсегда расстался с фермой и всем тем, что она олицетворяла. Оставалось лишь надеяться, что при этом он не потерял навсегда сестру.

Пока они летели в Нью-Йорк, да и в следующие недели, Питер молча оплакивал смерть отца. Он не стал делиться с Кейт своими чувствами, опасаясь, что она не сумеет разделить его горе. Он пару раз звонил сестре, но та или была занята с детьми, или, как всегда, помогала Джеку. У нее никогда не находилось свободного времени, чтобы поговорить, а если и находилось, сестра отпускала в адрес Кейт неллицеприятные замечания, которые больно задевали его самого.

Нескрываемая неприязнь Мюриэл и критика в адрес Кейт сделали свое дело: спустя какое-то время Питер просто перестал звонить сестре. Он с головой погрузился в работу и находил утешение и отдохновение в том, что происходило в его рабочем кабинете. Работа была для него вторым домом, здесь он чувствовал себя как рыба в воде. Более того, вся его нью-йоркская жизнь казалась ему наиболее комфортным способом существования. Он идеально вписался и в корпорацию «Уилсон-Донован», и в круг своих новых друзей, и в ту жизнь, которую создала для него Кейт. Казалось, он родился в таком блестящем окружении и никогда не жил иной жизнью.

Нью-йоркские друзья признавали его своим. Еще бы! С его безукоризненным вкусом и манерами иначе и быть не могло. Правда, над ним нередко смеялись, когда он признавался, что вырос на ферме. В таких случаях чаще всего ему не верили. Он больше походил на уроженца Бостона или Нью-Йорка, чем на человека из глубинки штата Висконсин. Впрочем, неудивительно: Питер быстро приобрел столичный лоск, что, впрочем, от него и ожидали в семье Фрэнка Донована.

Фрэнк настоял на том, чтобы Кейт и Питер поселились в Гринвиче, штат Коннектикут, где жил он сам. Он хотел, чтобы «его дочурка», которая также привыкла к этому месту, оставалась с ним рядом. Фирма «Уилсон-Донован» базировалась в Нью-Йорке, где у семейства имелась небольшая квартира, но сами Донованы всегда жили в Гринвиче, в часе езды от Нью-Йорка. Это было удобно, и Питер каждый день ездил с тестем на поезде на работу.

Питеру нравилось в Гринвиче. Он любил свой дом, он был счастлив, что Кейт стала его женой. Они по большей части жили дружно. Единственное разногласие между ними сводилось к тому, что, по ее убеждению, ему причиталась доля фермы, которую потом можно было продать. Впрочем, они давно уже перестали спорить по этому поводу, деликатно избегая потенциально конфликтной темы.

В целом Питера беспокоило другое: то, что дом для них купил Фрэнк. Питер пытался возражать, но решил не расстраивать Кейт – та слезно умоляла его не огорчать отца отказом. Питер сопротивлялся, как мог, но Кейт в конце концов одержала победу. Ей хотелось, чтобы у них был большой дом, чтобы как можно скорее в его стенах зазвенели детские голоса. Питер же пока никак не мог позволить себе такую привычную для нее роскошь, как просторный дом, в котором – по мнению ее отца – его дочь должна жить. Это была именно та проблема, которой Питер всегда опасался.

Но Донованы виртуозно справились и с этим. Прекрасный дом в тюдоровском стиле отец Кейт назвал «свадебным подарком». Питеру он показался даже не домом, а настоящим дворцом. Просторный дом для большой семьи. В нем имелась роскошная гостиная, прекрасная веранда, четыре спальни, огромный кабинет для него самого и поистине фантастическая кухня в стиле кантри.

По сравнению со старой убогой фермой в Висконсине, ради которой отец Питера гнул спину всю свою жизнь, это действительно был дворец. Питер, не в силах сдержать довольную улыбку, был вынужден признаться, что влюбился в новый дом с первого взгляда.

Фрэнк пожелал, чтобы они наняли прислугу, которая бы поддерживала в доме порядок и занималась готовкой. Но в этом вопросе Питер занял непримиримую позицию, заявив, что, если придется, он сам готов стряпать, но не допустит, чтобы Фрэнк нанимал для них слуг. В конечном итоге Кэти научилась готовить, по крайней мере, самые незамысловатые блюда.

Правда, ближе к Рождеству, когда ее по утрам стала отчаянно мучить тошнота, делать по кухне она ничего не могла, и Питеру пришлось кухарничать самому, так же как и взять на себя уборку дома. Он нисколько не возражал против домашних обязанностей и с радостью ожидал появления на свет своего первенца. В его глазах это была некая мистическая компенсация, своего рода утешение за потерю отца, боль от которой все еще давала о себе знать.

Таким было начало счастливых и плодотворных восемнадцати лет их с Кэти совместной жизни. В первые четыре года брака у них родились трое сыновей, после чего Кэти с головой ушла в общественную работу: она участвовала в деятельности благотворительных обществ, родительских комитетов, в организации автомобильных пулов для поездок на работу. Все это ей ужасно нравилось. У мальчиков было множество самых разнообразных увлечений, включая футбол, бейсбол и плавание. А совсем недавно Кэти решила поучаствовать в борьбе за пост главы попечительского совета школы Гринвича.

Круг интересов Кейт не ограничивался лишь их городком. Она также интересовалась проблемами экологии в глобальных масштабах и рядом вопросов, которые должны были, по идее, интересовать и Питера, но почему-то не интересовали. Питер шутил, что его жена занимается проблемами планетарной значимости за них двоих. Потому что сам он по уши увяз в работе.

Впрочем, ей он это мог не объяснять. Мать Кэти умерла, когда ей было всего три года. Ее воспитывал отец и старался как можно больше времени проводить с дочерью. Когда Кэти подросла, она знала довольно много об отцовском бизнесе, во многом разбиралась, и в этом отношении мало что изменилось после того, как вышла замуж за Питера. Порой случалось, что она узнавала о состоянии дел компании даже раньше мужа. Когда же Питер делился с ней какими-то новостями, оказывалось, что для нее это никакая не новость. Иногда это порождало проблемы, но в целом Питер не возражал, чтобы Фрэнк занимал в их жизни особое место. Близость отца и дочери оказалась гораздо теснее, чем он ожидал, но он не видел в этом поводов для беспокойства.

Фрэнк был человеком справедливым и всегда знал, насколько далеко может заходить в своих суждениях по тому или иному вопросу. По крайней мере, так Питеру казалось до тех пор, пока тесть не попытался указывать ему, в какой именно детский сад следует отдать их сына. В тот раз Питер проявил твердость и придерживался такой позиции до того момента, когда пришла пора отдавать мальчика в среднюю школу, – по крайней мере, попытался. Но были моменты, когда отец Кэти оставался непоколебим. Гораздо больше расстраивало Питера то обстоятельство, что Кэти в подавляющем большинстве случаев принимала отцовскую сторону, хотя и старалась делать это дипломатично и деликатно, пытаясь убедить мужа в правоте отца.

Духовная связь Кэти с отцом не ослабевала с годами, она соглашалась с ним чаще, чем того хотелось бы Питеру. Впрочем, тот несмотря ни на что считал свой брак счастливым. Он имел столько жизненных благ, что жаловаться на редкие разногласия с тестем было просто грешно. Что ни говори, а обретенные им блага существенно превосходили душевные терзания или бремя забот.

Единственным темным пятном, омрачившим его жизнь, стала смерть сестры. Мюриэл ушла из жизни совсем молодой, в возрасте двадцати девяти лет – от рака, так же как и их мать. Как и матери, сестре было не по карману приличное лечение. Люди гордые, ни она, ни ее муж не позвонили Питеру, чтобы сообщить о свалившемся на Мюриэл несчастье. Она была уже на пороге смерти, когда Джек все-таки позвонил и сообщил о болезни жены. Питер был потрясен,

когда слетал в Висконсин и увидел Мюриэл. Через несколько дней ее не стало. Не прошло и года после ее смерти, как Джек продал ферму, женился и перебрался в Монтану.

Спустя пару лет Питер потерял с ним всякую связь и не знал, где тот живет и что стало с детьми его сестры. Когда же Джек наконец через несколько лет снова позвонил ему, Кейт заявила, что слишком много воды утекло и продолжать общение с бывшим мужем сестры нет смысла. Питер выслал Джеку денег, которые тот у него попросил, но так и не выбрался в Монтану, чтобы встретиться с племянниками. С другой стороны, даже если бы Питер съездил их проведать, то он все равно оставался бы для них чужим.

У них появилась новая мать, они жили новой семьей. Да и Джек позвонил ему не из сентиментальности, а лишь потому, что ему были нужны деньги. По большому счету брат бывшей жены был ему безразличен, так же как и он сам Питеру, хотя, в принципе, последний был бы не прочь повидать племянников и племянниц. Увы, он был слишком занят на работе, чтобы слетать к ним в Монтану. Да и что греха таить: они давно стали для него лишь крошечной, отдаленной частичкой его другой, прошлой жизни. В некотором смысле было куда разумнее и проще поступить так, как говорила Кейт, а именно выбросить мысли о прошлом из головы. И все же каждый раз, стоило ему вспомнить о своей семье, как его начинало мучить чувство вины.

Но у него давно уже была своя жизнь. Он должен был думать о собственной семье, заботиться о собственных детях, бороться за лучшее будущее для своих близких. А это действительно была борьба, причем нешуточная, а разгорелась она за четыре года до того, как подошло время отдавать в среднюю школу их старшего сына Майка. Все Донованы получали образование в Эндовере³, и Фрэнк считал, что внук должен поддержать семейную традицию. Кэти поддержала отца, Питер же был не согласен с ними. Зачем, возражал он, отправлять сына в школу-пансионат, расположенный вдали от дома, если в их городе есть прекрасная средняя школа?

В тот раз спор выиграл Фрэнк. Главным же фактором стало решение самого Майка. А все потому, что мать и дед убедили его, что без учебы в Эндовере ему не попасть в приличный колледж, не говоря уже о Школе бизнеса. Тем самым он позднее лишит себя перспективы получить престижную работу и обзавестись нужными деловыми связями.

Питер находил эти доводы смехотворными. Он заявил, что сам поступил в Мичиганский университет, закончил вечернее отделение в Чикаго, никогда не учился в Школе бизнеса и, когда жил на ферме в Висконсине, слыхом не слыхивал ни о каком-то Эндовере.

– Но у меня все получилось, – убеждал он сына. И это была правда: Питер управлял одной из крупнейших корпораций страны.

Но он был не готов к тому, что в ответ сказал ему Майк:

– Да, но ты удачно женился, папа. Это совсем другое дело.

Что и говорить, удар получился болезненный, тем более что был нанесен родным сыном. Майк заметил реакцию отца на его замечание и понял, что тот обижен. Сын поспешил добавить, что имел в виду другое – то, что двадцать лет назад «все было совсем иначе». Однако оба понимали, что на самом деле он имел в виду. В конечном итоге Майк уехал учиться в Эндовер и теперь, как когда-то и его дед, осенью собирался поступать в Принстон.

Теперь в Эндовере учился их средний сын Пол, и лишь Патрик, самый младший из сыновей, поговаривал о том, что останется дома или, по крайней мере, будет учиться в Эксетере, чтобы хоть как-то отличаться от братьев. Для раздумий у него был еще год, и он вот уже несколько раз заводил речь про школу-интернат в Калифорнии.

Питеру эти разговоры очень не нравились. С другой стороны, он вряд ли сумеет отговорить Патрика. Скорее всего, будет так, как он захочет. Учеба в средней школе вдали от дома

³ В городе Эндовер расположена элитная частная мужская школа – Phillips Andover Academy, основанная в 1778 г.

была в семье Донованов традицией, которая даже не обсуждалась. Даже Кейт, несмотря на всю ее близость к отцу, в свое время окончила частную школу для девочек «Мисс Портерс Скул».

Питер предпочел бы, чтобы дети учились в родном городе, хотя понимал, что в данной ситуации есть свои плюсы и минусы. Пусть он не видел сыновей по несколько месяцев в году, зато они получали превосходное образование, в этом не было никаких сомнений. К тому же, по словам Фрэнка, сыновья Питера и Кэти во время учебы завязывали дружеские отношения, которые играли важную роль в их будущем.

С этим было трудно спорить, и Питер не спорил, хотя, что греха таить, ему было одиноко без сыновей, которые, один за другим, уехали учиться в закрытые частные школы. Кейт и мальчики были его семьей, самыми близкими людьми. А еще он по-прежнему тосковал по Мюриэл и родителям, хотя никогда не признался бы в этом жене.

За годы их супружества жизнь Питера коренным образом изменилась. Он стал важной персоной. Его карьера складывалась на удивление успешно. Они с Кэти переехали в новый дом, который был больше прежнего. На этот раз Питер смог позволить себе такую покупку. Ни о каких подарках от Фрэнка теперь не могло быть и речи.

Новый дом располагался в Гринвиче, на участке площадью в шесть акров. Хотя Питера временами тянуло в город, он знал, насколько важен для Кэти Гринвич. Здесь она провела почти всю свою жизнь. Поблизости жили ее подруги, здесь учились в начальной школе их сыновья, здесь она занималась общественной работой, рядом был ее отец. Она и представить себе не могла жизни вдали от Фрэнка.

Она по-прежнему присматривала за его домом, а в выходные дни они все вместе обсуждали семейные проблемы, дела компании или просто играли в теннис. Так что Кэти постоянно бывала в отцовском доме.

Чтобы быть ближе к Фрэнку, они проводили лето на Мартас-Виньярд⁴. Здесь у Фрэнка было настоящее поместье, которое он приобрел много лет назад. Питер был вынужден согласиться с Кейт, что лучшего места для отдыха трудно себе представить. Да и сам он любил проводить здесь свободное время. Он сильно привязался к этому месту, и как только позволили средства, Питер убедил жену отказаться от коттеджа, который они арендовали у Фрэнка в его просторных владениях, и купил ей прекрасный дом на той же улице.

Мальчики тоже были в восторге, особенно когда Питер построил для них летний домик, в который они теперь могли приглашать друзей. Вот уже многие годы Питер и Кейт были окружены детьми, особенно летом на Мартас-Виньярд. Казалось, что, кроме сыновей, в их доме постоянно обитает еще целая команда подростков.

В целом жизнь их была легка и приятна. Несмотря на компромиссы, на которые Питер время от времени шел в таких домашних вопросах, как выбор места учебы для сыновей, он знал: в том, что касается бизнеса, он никогда не пожертвует принципами или собственным добрым именем. Впрочем, Фрэнк давал ему полную свободу действий. В свою очередь, Питер предложил ряд блестящих идей, которые способствовали дальнейшему процветанию фирмы и приносили доходы, о которых Фрэнк раньше не мог и мечтать.

Предложения Питера невозможно было переоценить – смелые, порой даже дерзкие, они неизменно приносили положительные результаты. Фрэнк точно знал, что делает, когда пригласил перспективного молодого человека к себе на работу, а позднее сделал тридцатисемилетнего Питера Хаскелла президентом корпорации «Уилсон-Донован».

Питер с самого начала мастерски руководил вверенной ему компанией. С тех пор прошло семь лет, из которых четыре года ушло на разработку викотека. Проект – с самого начала любимое детище Питера Хаскелла – был ужасно затратный, однако в будущем сулил небыва-

⁴ *Мартас-Виньярд* (англ. Martha's Vineyard, что переводится как «виноградник Марты») – остров в 6 км от мыса Кейп-Код на юго-востоке штата Массачусетс.

лый успех. Именно Питер принял решение избрать это направление научных исследований. Именно он убедил Фрэнка в правильности избранного пути. Вложения капиталов были огромными, но в конечном счете они согласились, что игра стоит свеч.

Впрочем, для Питера вопрос не сводился только к материальной выгоде. В случае успеха препарату предстояло стать воплощением его давней мечты – помочь человечеству. Не в последнюю очередь в память о матери и сестре Питер хотел, чтобы викотек пришел на помощь онкологическим больным как можно быстрее.

Существуй в свое время подобный препарат, возможно, жизнь близких ему людей удалось бы спасти или хотя бы продлить. Теперь же Питер мечтал спасти других людей. Людей, живущих в сельской глубинке или в городах, но из-за недостатка средств или каких-то других обстоятельств лишенных возможности получить эффективное лечение.

Сидя в такси, Питер поймал себя на том, что мысли его заняты анализом результатов встреч, состоявшихся в течение этой недели в Европе. Было приятно осознавать, насколько приблизился викотек к запуску в производство. Такси въехало в центр Парижа, и Питер в очередной раз пожалел, что рядом с ним нет Кейт.

Ему всегда нравился этот удивительный город, от красоты которого у него неизменно захватывало дух. В первый раз он приехал сюда в деловую поездку пятнадцать лет назад. Тогда ему показалось, что в мире нет ничего прекраснее французской столицы.

Тогда он приехал в Париж один, причем в день национального праздника. Он до сих пор хорошо помнил, как ехал по Елисейским Полям к Триумфальной арке, под сводами которой развевался флаг Франции. Он остановил машину, вышел и какое-то время стоял на тротуаре, не сводя взгляда с трехцветного полотнища. В какой-то момент он даже поймал себя на том, что на его глаза навернулись слезы.

Кэти часто поддразнивала его, мол, в прошлой жизни он наверняка был французом, если так любит Париж. Этот город манил и влек к себе, причем Питер сам не смог бы объяснить, почему. Просто было в Париже нечто невероятно притягательное. Здесь ни разу он не испытал ни одной плохой минуты. И в этот раз будет точно так же. Хотя Поль-Луи Сушар по натуре слишком серьезен и неразговорчив для француза, Питер не сомневался, что встреча, которая назначена на завтра, будет настоящим маленьким праздником.

Такси тем временем влилось в поток транспорта, заполнившего в полуденную пору центральные улицы Парижа. Мимо проносились так хорошо знакомые достопримечательности – Дом инвалидов, здание Оперы. Через несколько секунд они уже въезжали на Вандомскую площадь. Питер тотчас почувствовал себя почти как дома. Колонну в центре площади венчала статуя Наполеона. Если закрыть глаза, можно легко представить себе украшенные гербами кареты с французскими аристократами в напудренных париках и атласных камзолах.

Абсурдность этой живописной картины невольно заставила Питера улыбнуться. Такси остановилось перед входом в отель «Ритц». Облаченный в ливрею швейцар поспешил открыть для Питера дверцу машины. Он моментально узнал Хаскелла, как узнавал и других постоянных постояльцев, и, пока Питер расплачивался с водителем такси, уже подозвал коридорного, чтобы тот внес в отель багаж гостя.

Фасад «Ритца» отличался благородной сдержанностью и выделялся среди прочих зданий элегантными козырьками над входом. Он выглядел отнюдь не роскошнее известных магазинов, располагавшихся по соседству с ним. Витрины ювелирных домов «Шоме» и «Бушерон» сверкали изысканными украшениями. На углу площади разместились «Шанель» и ювелирный бутик «JAR», названный по имени его основателя, Жоэля Артура Розенталя, одного из самых талантливых ювелиров современности. Однако главной достопримечательностью Вандомской площади все же был «Ритц». Питер всегда считал, что такого второго отеля нет во всем мире.

Обстановку отеля отличала изощренная роскошь и ни с чем не сравнимый комфорт. Остановившаяся здесь во время своих деловых поездок, Питер неизменно испытывал легкое

чувство вины, однако за долгие годы так полюбил его, что просто не мог помыслить о том, чтобы поселиться в другом отеле. «Ритц» был единственным романтическим отступлением в его упорядоченной, размеренной жизни.

Питеру нравились его изысканность, роскошь и элегантность обстановки номеров, помпезная красота обтянутых парчой стен, великолепные антикварные камины. Едва шагнув во вращающиеся двери отеля, Питер ощутил приятное возбуждение.

«Ритц» никогда не разочаровывал его, как не перестает нравиться красивая женщина, с которой встречаешься лишь изредка, но которая всякий раз ждет вас с распростертыми объятиями. Причем всякий раз благодаря идеально наложенному макияжу и безукоризненной прическе ей удастся выглядеть даже более привлекательно, нежели в последнюю вашу встречу.

«Ритц» Питер любил почти так же, как и сам Париж. Для него это была часть волшебства и очарования французской столицы. Не успел он войти в вестибюль, как его приветствовал швейцар в ливрее. Преодолев две покрытые ковром ступеньки, Питер бодрым шагом направился к стойке портье. Даже процесс регистрации в «Ритце» доставлял ему удовольствие, хотя порой приходилось какое-то время ждать в очереди. Ему нравилось незаметно разглядывать других постояльцев отеля. Слева от него стоял пожилой, но все еще смазливый латиноамериканец, а рядом с ним – потрясающей красоты молодая женщина в красном платье.

Они о чем-то негромко переговаривались по-испански. У женщины были безупречно ухоженные ногти и волосы; на левой руке – браслет с огромным бриллиантом. Она посмотрела на Питера и, перехватив его взгляд, улыбнулась. Он был привлекательным мужчиной, и, глядя на него, невозможно было бы догадаться, что он вырос в бедности на ферме. Он выглядел импозантно – богатый, солидный, привыкший вращаться в кругах деловой элиты, среди властителей мировых финансовых империй.

Внешность Питера Хаскелла без слов свидетельствовала о власти и успехе. И вместе с тем было в нем нечто притягательное, свойственное романтической молодости. Присмотревшись к нему повнимательнее, посторонний взгляд наверняка разглядел бы в нем нечто большее: некую загадку, затаившуюся в глубине его глаз, то, чего люди в нем чаще всего просто не замечали.

Чувствовалась в нем некая мягкость, доброта, сердечность, способность к сопереживанию – редкие качества для влиятельных, волевых людей. Увы, женщина в красном платье этого не заметила. Она обратила внимание лишь на галстук от «Гермес», дорогой портфель, туфли английского производства, прекрасного покроя костюм и с трудом заставила себя отвести взгляд от незнакомца и посмотреть на своего спутника.

По другую сторону от Питера стояли трое красиво одетых пожилых японцев. Все трое курили и о чем-то негромко переговаривались. Их сопровождал какой-то молодой человек, и портье за стойкой заговорил с ним по-японски. Когда же Питер отвел от них взгляд, все еще ожидая своей очереди, то заметил у входа некоторое оживление. Через вращающуюся дверь внутрь прошествовали четверо смуглолицых крепких мужчин, которые сразу же установили контроль за входом. Следом за этой четверкой в вестибюль вошли еще двое. После них, словно разноцветные шарики жевательной резинки из автомата, из вращающейся двери появились три ослепительно-красивые женщины в ярких костюмах от «Диора».

Костюмы были одинаковыми, но разных расцветок, подчеркивающих индивидуальность своих обладательниц. Подобно испанке, которую Питер только что видел у стойки регистрации, этих красавиц отличала идеально ухоженная, холеная внешность. На всех троих были бриллиантовые серьги и ожерелья. Появление женщин произвело на присутствующих сильное впечатление. Еще мгновение, и шестеро телохранителей взяли их в плотное кольцо, а в вестибюль отеля из вращающейся двери шагнул немолодой араб импозантной внешности.

– Король Халед... – услышал Питер чей-то шепот. – Или его младший брат... и три его жены... остановились здесь на месяц... занимают весь четвертый этаж, с той стороны, где окна выходят на сады...

Халед был правителем небольшой арабской страны. Пока женщины пересекали вестибюль, Питер насчитал восемь охранников и еще несколько человек, замыкавших процессию. К этой внушительной группе тотчас же подскочил портье, и они, сопровождаемые взглядами присутствующих, последовали дальше.

При этом почти никто не обратил внимания на Катрин Денев, которая торопливо прошла в ресторан. Равно как никто не вспомнил и о том, что в отеле сейчас живет Клинт Иствуд – фильм с его участием как раз снимался в окрестностях Парижа. Подобные лица и имена в «Ритце» – привычное дело. Питер задался вопросом, наскучит ли ему самому когда-нибудь обращать внимание на знаменитостей?

Пока что находиться здесь и наблюдать за происходящим доставляло ему немалое удовольствие. Он не мог заставить себя отвернуться или притвориться скучающим и пресыщенным жизнью, как то делали некоторые постояльцы. Равно как не мог удержаться от того, чтобы не понаблюдать за арабским королем и стайкой его очаровательных жен.

Женщины о чем-то переговаривались и тихо смеялись. Телохранители не спускали с них глаз, не позволяя никому приблизиться к ним ни на шаг, окружая их подобно стене суровых статуй. Король шагал неторопливо, о чем-то беседуя со своим спутником.

– Добрый день, мистер Хаскелл, – внезапно услышал Питер у себя за спиной чей-то голос и невольно вздрогнул. – Добро пожаловать в наш город. Мы рады снова вас видеть.

– И я рад вернуться сюда, – с улыбкой ответил молодому портье Питер.

На этот раз ему предоставили номер на третьем этаже. Впрочем, плохих номеров в «Ритце» не могло быть по определению. Он с удовольствием готов занять любой.

– Смотрю, скучать вам не приходится. – Питер имел в виду арабского короля с его женами и маленькой армией охранников. С другой стороны – такого рода постояльцы были в «Ритце» обычным делом.

– Как обычно... – вежливо улыбнулся молодой портье и отложил заполненный Питером бланк. – Я покажу вам ваш номер.

Он проверил его паспорт и, назвав коридорному номер люкса на третьем этаже, жестом предложил гостю следовать за ним.

Они прошли мимо бара и ресторана. И за стойкой, и за столиками было полно элегантно одетых посетителей. Кто-то пришел перекусить или выпить, кто-то – обсудить деловые планы или личные интересы. Питер заметил за угловым столиком Катрин Денев. Удивительно красивая, она смеялась над чем-то вместе со своим собеседником. Именно за это Питер и любил «Ритц» – за атмосферу, за царящий здесь дух, за здешнюю публику. Все это будто подпитывало его энергией.

Шагая вслед за коридорным по длинному вестибюлю к лифту, Питер прошел мимо нескончаемого ряда витрин с дорогими товарами от всех парижских ювелиров и из известных бутиков.

Его внимание привлек золотой браслет, который наверняка бы понравился Кэти. Питер решил, что ему стоит позже его купить. Он всегда привозил ей что-нибудь из зарубежных поездок – своего рода утешительный приз за то, что она не ездила вместе с ним. Во всяком случае, так было много лет назад, когда она бывала беременна или вынуждена присматривать за малолетними сыновьями.

Сейчас же у нее просто не возникало желания путешествовать вместе с ним, и он это прекрасно знал. Кэти предпочитала заседания родительских советов и встречи с подругами. Сейчас, когда два сына учились в школах-интернатах, а дома оставался только самый младший, она вполне могла бы поехать вместе с ним. Увы, у нее всегда находились причины для отказа. С другой стороны, и сам Питер уже давно перестал нажимать на нее. Ей это просто не нужно, вот и все. Однако он по-прежнему привозил ей подарки. Впрочем, не только ей, но и мальчикам, если те были дома. Так сказать, последняя дань детству.

Наконец они подошли к лифту. Арабского короля со свитой уже не было видно – тот еще несколько минут назад поднялся в свои апартаменты, коих у него было никак не меньше дюжины. Халед и его жены были здесь завсегдатаями. Обычно они проводили в Париже май и июнь, иногда задерживались и на июль, ожидая показа новых модных коллекций. Зимой они снова возвращались во французскую столицу – по той же причине.

– В этом году у вас очень тепло для июня, – заметил Питер, обратившись к портье, пока они ждали лифта.

На улице стояла дивная погода, в меру жаркая и приятная. В такую погоду хочется лежать на травке под деревом, безмятежно разглядывая проплывающие по небу облака. Да, сегодня день явно не для скучных деловых встреч. Однако Питер в любом случае был намерен увидеться с Сушаром. Более того, по возможности перенести эту встречу с завтрашнего утра на более раннее время.

– Всю неделю было жарко, – ответил портье. Никаких неудобств у постояльцев это не вызывало – все номера отеля были оборудованы кондиционерами.

Мимо них прошествовала американка с тремя йоркширскими терьерами. Собачки были лохматыми и от головы до хвоста в бантах. Мужчины невольно улыбнулись и обменялись многозначительными взглядами.

А в следующий миг пространство коридора как будто пронзил разряд электрического тока. Питер почувствовал у себя за спиной внезапное движение. Он все еще провожал взглядом женщину с собачками, и даже она удивленно подняла взгляд от своих питомцев. Неужели это снова араб с его армией телохранителей или очередная кинозвезда, подумал Питер. Кто бы это ни был, но все вокруг моментально пришло в движение.

Питер обернулся, чтобы посмотреть, чем вызвана такая суета. По коридору двигались спортивного вида мужчины, род деятельности которых не оставлял никаких сомнений – кроме наушников, у них имелись переносные рации. Будь на улице чуть прохладнее, они точно бы облачились в длиннополые плащи. Было непонятно, кого они прикрывали своими телами.

Двигаясь почти синхронно, они шагали прямо к тому месту, где стоял Питер, и, когда прошли мимо, стало видно, кого они охраняли. Их подопечными были мужчины в легких костюмах, по виду, скорее всего, американцы.

Один из них, светловолосый, на голову выше своих спутников, был похож на кинозвезду. Имелось в нем нечто такое, что тотчас же приковывало к нему взгляды окружающих. Трое его спутников внимали каждому его слову, все как один сосредоточенные, словно погруженные в какой-то серьезный разговор. Впрочем, в следующий миг они дружно рассмеялись тому, что сказал светловолосый.

Человек этот заинтриговал Питера, и он присмотрелся внимательнее. Его не оставляло чувство, что он уже видел его раньше, однако никак не мог вспомнить, где именно. Неожиданно память помогла ему. Да это же молодой сенатор из Виргинии, Андерсон Тэтчер! Человек энергичный, сложный, неоднозначный. В свои сорок восемь лет он несколько раз оказывался замешанным в каких-то скандалах, но каждый раз выходил сухим из воды. Питер вспомнил, что в жизни сенатора имели место и трагические события.

Шесть лет назад его брат Том, участник президентской гонки, был убит незадолго до выборов. Том считался фаворитом избирательной кампании. В связи с его смертью ходило немало слухов по поводу того, кому это могло быть выгодно и кто это сделал. На эту тему было даже снято два скверных фильма. Однако, как выяснилось в конечном итоге, Том Тэтчер пал жертвой некоего вооруженного безумца, не имевшего отношения к политике.

В последующие годы Андерсон Тэтчер, Энди, как его называли близкие, серьезно занялся своим политическим имиджем, обзавелся как друзьями, так и недругами, и в предстоящей предвыборной гонке считался ключевым претендентом на пост президента страны.

Он еще официально не объявил о выдвижении своей кандидатуры, однако сведущие люди были уверены, что это произойдет в самое ближайшее время. Последние несколько лет Питер с интересом следил за его карьерой. Несмотря на некоторые неблагоприятные поступки сенатора, он считал Тэтчера политическим тяжеловесом с блестящим будущим. Видя его перед собой в эти минуты в окружении телохранителей и советников, Питер явственно ощущал исходящую от него харизму и как зачарованный не мог отвести взгляд.

Убийство брата было не единственной трагедией, выпавшей на долю Тэтчера. Горе пришло в семью сенатора, когда его двухлетний сын умер от рака. Об этом Питеру было известно немного, но он помнил, что после смерти мальчика в «Тайме» были опубликованы фотографии, трогающие до самой глубины души. Самое удручающее впечатление произвел на него тогда снимок жены Тэтчера, выходявшей с кладбища после похорон. Молодая женщина выглядела потерянной и удивительно одинокой. На этом же снимке сам Тэтчер под руку вел с поминальной службы свою мать.

Невыразимая мука на лице молодой женщины, потерявшей ребенка, заставила его тогда содрогнуться. С другой стороны, постигшая Тэтчеров трагедия привлекла к несчастным родителям внимание и расположила к ним сердца многих людей. Вот и Питеру было интересно встретить Энди Тэтчера, в данный момент о чем-то оживленно разговаривающего со своими спутниками.

Спустя несколько секунд, пока он ждал лифт, а Тэтчер и его сопровождающие слегка отступили в сторону, Питер увидел в центре этой небольшой группы еще одну фигуру. Он напрягся, сам не понимая почему, и не сразу до него дошло: эта была та самая женщина с фотографии. Взгляд ее был устремлен в пол, а сама она показалась Питеру удивительно маленькой и хрупкой. У него даже возникло ощущение, что она, словно пушинка, может в любое мгновение оторваться от земли и улететь.

Питер окинул ее пристальным взглядом с головы до ног. Худенькая, как тростинка, с такими огромными глазами, каких он никогда не видел ни у одной женщины. Одетая она была в небесно-голубой льняной костюм от «Шанель». Было в ней нечто такое, что тотчас завораживало и вам хотелось смотреть на нее, не отрывая взгляда. А еще ее отличала удивительная кротость и вместе с тем независимость – Питер заметил это в ее осанке, когда она зашагала следом за группой мужчин. Ни один из них как будто не замечал ее, даже охранники, пока она стояла позади них, терпеливо ожидая лифта.

Неожиданно женщина перехватила пристальный взгляд Питера. Глаза ее светились неизбывной печалью, но в самом ее облике не было ничего жалкого. Казалось, она просто не принадлежала этому миру. Женщина открыла сумочку и достала солнечные очки. Питер не мог не отметить, какие у нее красивые, изящные руки.

Кстати, с ней никто так и не заговорил, никто из спутников сенатора не обращал на нее внимания. Когда, наконец, пришел лифт, все быстро двинулись вперед, к кабинке. Женщина безмолвно последовала за ними. Она держалась с поразительным достоинством, как будто пребывала в своем собственном мире, где нет никого, кроме нее. И еще она была настоящая леди, на все сто процентов. Ее, похоже, ничуть не волновало, что она предоставлена самой себе.

Теперь Питер окончательно вспомнил то, что знал об этой женщине. Он часто видел в журналах ее фото, сделанные в те годы, когда она только вышла замуж за Тэтчера, и еще более ранние – в обществе ее отца. Перед ним была супруга Энди Тэтчера, Оливия Дуглас Тэтчер. Как и ее муж, она происходила из семьи профессиональных политиков. Отец – всеми уважаемый губернатор Массачусетса, брат – недавно избранный конгрессмен из Бостона. Питер припомнил, что ей тридцать четыре года, она часто привлекает к себе внимание журналистов, ее любит пресса, ее не оставляют в покое газетчики, хотя она и не дает им поводов для скандальных публикаций.

Питер не раз читал интервью с ее мужем, но никак не мог вспомнить, чтобы кто-то брал интервью у нее самой. Она всегда оставалась на заднем плане, предпочитая держаться в тени. Питер поймал себя на том, что, даже войдя вслед за ней в кабину лифта, словно зачарованный не может оторвать от нее взгляд. Она стояла к нему спиной, однако так близко, что он мог протянуть руку и коснуться ее. При мысли об этом у него перехватило дыхание. А какие красивые у нее волосы – темные и шелковистые, так и хотелось их погладить.

Как будто угадав мысли Питера, женщина обернулась и посмотрела на него. Их взгляды встретились снова, и на мгновение ему показалось, будто время остановилось. Его в очередной раз поразила печаль в ее глазах. Она, словно бы не произнеся ни слова, пыталась что-то ему сказать. Такого выразительного взгляда он еще ни разу не видел. Оливия Тэтчер отвернулась столь же внезапно, как до этого посмотрела на него, и больше не глядела в его сторону.

Носильщик внес его багаж в номер. Горничная уже успела все подготовить, и в его люксе царил идеальный порядок. Войдя, Питер огляделся по сторонам, и ему снова, как и в каждый приезд в «Ритц», показалось, будто он умер и вознесся на небеса.

Обстановка номера поражала своей изысканностью. Парчовая обивка стен была нежного персикового оттенка. Мебель исключительно антикварная. Камин сложен из розового мрамора. Шторы и покрывала выдержаны в той же цветовой гамме. Мраморная ванная была оснащена всеми мыслимыми и немыслимыми мелочами, призванными удовлетворять любую прихоть постояльцев. Это было сродни сну наяву.

Питер дал чаевые портье, встал и медленно прошелся по комнате. Затем вышел на балкон и пару минут постоял там, любуясь ухоженным садом и цветочными клумбами и думая об Оливии Тэтчер. В ее лице и глазах было нечто колдовское. Такое же впечатление когда-то произвели на него и ее фотографии. Никогда еще ни одна женщина не производила на него такого магического впечатления, как жена сенатора Тэтчера. Взгляд ее огромных глаз словно отпечатался в его памяти.

Нет, от него не ускользнуло застывшее в них страдание. Но это не был безжизненный, потухший взгляд, в нем светились сила и воля. Она как будто пыталась что-то сказать ему, или любому, с кем встретится взглядом. По-своему она была даже харизматичнее и неотразимее, чем ее муж. Питер почему-то решил, что Оливия Тэтчер не из числа тех, кто любит играть в политические игры. Насколько он помнил, такого за ней никогда не водилось, ни теперь, ни раньше, и это притом, что ее муж был погружен в политику и в данный момент оказался так близок к своей заветной мечте.

Интересно, какие секреты таятся за этим сдержанным обликом? Или у него вновь разыгралась фантазия? Может, она вовсе и не печальна, а просто погружена в свои мысли? В конце концов, с ней никто не разговаривал, и она была предоставлена самой себе. Но почему тогда она так посмотрела на него? О чем она думала в этот момент?

Питер продолжал думать об Оливии даже после того, как спустя пять минут умылся и позвонил Сушару. Он сгорал от нетерпения, желая поскорее с ним встретиться даже несмотря на воскресенье. В голосе Сушара Питер не уловил особой радости по поводу незапланированной встречи. Тем не менее француз согласился встретиться с Питером через час.

Питер принялся нервно расхаживать по комнате. Внезапно он решил позвонить Кейт. Как обычно, ее не оказалось на месте. Там, за океаном, сейчас было девять часов утра, так что жена в данный момент наверняка уехала куда-то по делам или отправилась за покупками. После девяти Кейт трудно застать дома. Возвращается же она, как правило, не раньше половины шестого. Она постоянно в делах. Сейчас общественной работы у нее даже прибавилось, а поскольку дома с ними теперь жил лишь их младший сын, она могла позволить себе вернуться домой гораздо позже.

Когда Питер наконец вышел из номера, он с трудом сдерживал волнение. Поскорее бы встретиться с Сушаром! Как долго он ждал этой встречи. Наконец викотеку будет дан «зеленый

свет», и они смогут запустить препарат в массовое производство. Это, конечно, всего лишь формальность, однако формальность очень важная, особенно для FDA, если они хотят получить ее одобрение. Сушар – ведущий специалист в этой области. Его благословение детищу Питера будет гораздо более весомым аргументом, нежели если бы положительный отзыв на препарат дал бы кто-то другой.

На этот раз лифт пришел быстро, и Питер стремительно вошел в кабину. На нем был все тот же темный костюм, правда, он сменил рубашку на новую, голубую, с накрахмаленными манжетами и воротником. В углу кабины лифта стояла стройная женщина в черных брюках, черной футболке и солнцезащитных очках. Ее темные волосы были зачесаны назад. Когда она повернулась и посмотрела на него, даже несмотря на большие темные очки, он моментально ее узнал. Это была Оливия Тэтчер.

Он на протяжении нескольких лет читал о ней в прессе, а тут вдруг увидел ее дважды в течение одного часа. На этот раз она выглядела абсолютно иначе – демократичнее и моложе, нежели в костюме от «Шанель». Оливия Тэтчер сняла очки и бросила на него быстрый взгляд.

Питер не сомневался: она тоже узнала его. Тем не менее они не обменялись ни словом, и он избегал смотреть в ее сторону. Но было в ней нечто такое, что невольно приковывало к себе взгляд. Питер сам не мог сказать, что же именно в ней вызывает такой пристальный интерес. Глаза, но, видимо, что-то еще. Может, ее грациозная осанка, ее внешность, легенды, связанные с ее именем?

Она производила впечатление женщины гордой, уверенной в себе, на удивление спокойной и поразительно независимой. Ему хватило одного взгляда на нее, чтобы у него возникло желание задать ей тысячу разных вопросов, главным образом, глупых. Вроде тех, что обычно задают репортеры. «Почему вы выглядите такой уверенной в себе? Такой отстраненной? И такой печальной? Вам грустно, миссис Тэтчер? Что вы ощущали, когда умер ваш ребенок? Вы все еще переживаете его смерть?»

Вот такого рода вопросы задавали ей журналисты, но она никогда не отвечала на них. И все же, глядя на нее в эти секунды, Питер тоже хотел услышать ответы на подобные вопросы, хотел узнать, что она чувствует и почему ее взгляд устремляется к его глазам, словно руки утопающего. С другой стороны, готов ли он сам к ответам на эти вопросы? Да, ему интересно узнать, что она за человек, но вряд ли это когда-либо будет дано ему понять. Самой судьбой им суждено остаться чужими людьми. Да что там! Им вряд ли суждено обменяться даже парой слов.

И все же от одной возможности оказаться с ней рядом в тесном пространстве кабины лифта голова шла кругом. Ноздри ему щекотал запах ее духов, он видел блеск ее волос, едва ли не физически ощущал гладкость ее кожи. К его великому облегчению – поскольку он никак не мог оторвать от нее глаз, – лифт спустился до первого этажа и дверь открылась. Здесь ее уже ждал телохранитель. Оливия Тэтчер молча вышла в вестибюль и зашагала к выходу. Питер последовал за ней.

У нее такая странная жизнь, подумал он, провожая ее взглядом. Она по-прежнему магнитом притягивала его к себе. Он был вынужден напомнить себе, что его ждут дела, что у него нет времени для романтических фантазий. Теперь Питер понимал, откуда берутся все эти окружившие ее имя легенды. Она действительно была ходячей загадкой. Этакой неведомой женщиной-тайной, которую хотелось узнать и разгадать.

Даже выйдя на площадь, залитую ярким солнечным светом, он продолжал думать о ней. Швейцар тем временем остановил для него такси. Интересно, кто-нибудь, кроме него, узнал ее, подумал Питер. Отъезжая от отеля, он увидел, как Оливия свернула за угол и, опустив голову, торопливо зашагала по Рю де ла Пэ, прочь от Вандомской площади, – в темных очках, сопровождаемая телохранителем. В конце концов Питер заставил себя оторвать от нее взгляд, отвлечься от мыслей о ней и принялся разглядывать летевшие навстречу парижские улицы.

Глава 2

Питер предполагал, что встреча с Сушаром будет короткой и исключительно деловой. К чему он был абсолютно не готов, так это к заключению Поля-Луи Сушара о викотеке. Вердикт француза прозвучал для него громом среди ясного неба.

По словам Сушара – за исключением результата одного-единственного теста, – викотек потенциально опасен, и, возможно даже, смертельно опасен при неверном применении или даже случайном неправильном обращении с ним. В целом, если учесть все недостатки препарата, возникают сомнения в его пригодности. Даже в случае положительного ответа последнего теста викотек еще предстоит совершенствовать и дорабатывать не один год. Не готов пока препарат и для испытаний на добровольцах, на что так надеялся Питер.

Питер молча выслушал Поля-Луи. Он отказывался поверить заключению эксперта, не мог даже представить себе, что кто-то вынесет подобный приговор его детищу. С другой стороны, он уже изрядно поднаторел в различных аспектах химических свойств викотека, чтобы задать Сушару ряд серьезных и довольно компетентных вопросов.

У Сушара нашлись ответы лишь на некоторые из них, однако в целом он дал понять: викотек несет в себе опасность, и, по его мнению, дальнейшая работа над препаратом не имеет смысла. Если они захотят рискнуть и в течение нескольких следующих лет все-таки продолжат исследования, то проблему, возможно, удастся решить. Тем не менее нет никакой гарантии того, что им будет сопутствовать успех и викотек станет полезным и безопасным. Если же им не повезет, это будет препарат-убийца. Питер был в шоке и никак не мог прийти в себя.

– Вы уверены, Поль-Луи, что при обработке данных в отчеты не закралась ошибка? – в отчаянии спросил Питер, пытаясь найти уязвимое место в методике исследований, а не в самом препарате.

– Боюсь, что никаких ошибок нет и быть не может, – ответил по-английски с сильным французским акцентом Сушар, что, однако, не помешало Питеру понять его слова. Вид у француза был мрачный. Обычно именно он находил недостатки в новых испытываемых препаратах. Именно он неизменно сообщал их создателям плохие известия. Такова была его профессия. – Мы пока не закончили один тест. Возможно, его результаты минимизируют некоторые отрицательные результаты, но никак не изменят картину в целом.

Далее Сушар пояснил, что получение положительных результатов может вселить некий оптимизм, приведет к тому, что понадобится провести дополнительные испытания. Но на это все равно уйдут годы, а не месяцы, и уж конечно не недели, как они надеялись, чтобы успеть до слушаний в FDA.

– Когда будет закончен этот тест? – уточнил Питер. Он чувствовал себя кошмарно, никак не мог поверить в услышанное. Этот день показался ему худшим во всей его жизни, даже хуже того, что ему довелось пережить во Вьетнаме. Выходит, результаты четырехлетней работы полетели псу под хвост – если не полностью, то в значительной степени.

– Нам потребуется еще несколько дней, но мне кажется, что этот тест – простая формальность. Полагаю, мы уже знаем, на что способен и на что не способен викотек. Мы отдаем себе отчет в его уязвимых местах и связанных с этим проблемах.

– Как вы думаете, это не безнадежно? – с тревогой спросил Питер.

– Лично я склонен думать, что да... но кое-кто из моих сотрудников придерживается иной точки зрения. Им кажется, что препарат всегда будет представлять слишком большую опасность, что он слишком сложный в обращении, и мы сильно рискуем, если вдруг он попадет в руки к неспециалисту. Но это означает, что больные не смогут принимать его самостоятельно. А ведь вы добиваетесь именно этого. Это невозможно. Во всяком случае, пока. Или, может быть, никогда.

А ведь они хотели получить эквивалент химиотерапии, чтобы его легко могли бы применять даже далекие от медицины люди в сельской глубинке, где отсутствует надлежащая медицинская помощь. Но если верить словам Сушара, задача оказалась непосильной. Француз – судя по выражению его лица – понимал состояние Питера и сочувствовал ему. Сам Питер в эти минуты чувствовал себя так, будто лишился сразу всех членов семьи и всех друзей и только сейчас осознал последствия случившегося.

А последствиям этим не видно конца. Это было колоссальное разочарование и настоящий шок – по крайней мере, так ему казалось, пока он выслушивал доводы собеседника.

– Мне очень жаль, – тихо добавил Поль-Луи. – Уверен, что, в конце концов, вы одержите победу. Но пока должны набраться терпения.

Питер вдруг почувствовал невероятную усталость. Боже, он надеялся, что они так близки к намеченной цели, а оказалось, что находятся в самом начале пути. Нет, не такое заключение ожидал он услышать. Ему казалось, что встреча с Сушаром станет рядовой формальностью, но на деле она обернулась сущим кошмаром.

– Когда вы предоставите результаты испытаний, Поль-Луи? – спросил Питер, с тоской думая о неизбежном возвращении в Нью-Йорк, где придется рассказать Фрэнку о постигшей их неудаче.

– Через два-три дня, может быть, через четыре. Не могу сказать точно. Но определенно к концу недели вы получите ответы на ваши вопросы.

– А если результаты будут удовлетворительными, это изменит вашу нынешнюю позицию? – едва ли не умоляющим тоном спросил Питер.

Ему было известно, насколько осторожен Сушар. Возможно, на этот раз француз просто решил перестраховаться. Странно, однако, что его результаты противоречили тому, что заявляли другие исследователи.

Но репутация Сушара была столь безупречна, что не доверять ему не было никаких оснований. По всей видимости, есть смысл прислушаться к словам француза.

– Это может в какой-то степени повлиять на мою позицию, но лишь отчасти. Скорее всего, если результаты будут удовлетворительными, вам, возможно, придется посвятить еще один год дальнейшим исследованиям.

– Может быть, достаточно полгода? – с надеждой спросил Питер. – Если вести исследования во всех наших лабораториях, задействовав все мощности?

Принимая во внимание доходы, которые сулил им новый препарат, подобные усилия были вполне оправданными. Аргументы в пользу грядущей прибыли Фрэнк наверняка выслушает, причем с удовольствием, чего не сказать о дополнительных испытаниях и отсрочки выпуска препарата.

– Может быть, – пожал плечами Поль-Луи. – Но это серьезные обязательства, если вы намерены добиться поставленной цели.

– Все, разумеется, зависит от мистера Донована. Я должен обсудить это с ним.

Обсудить действительно придется многое, но Питер не хотел делать это по телефону. Он знал, что сильно рискует, однако предпочитал дожидаться окончательных результатов испытаний и, лишь узнав их, поговорить с Фрэнком.

– Все-таки я хочу дождаться окончания ваших тестов, Поль-Луи. Надеюсь, вы поймете меня, если я попрошу вас соблюдать конфиденциальность до завершения испытаний.

– Разумеется.

Они договорились встретиться сразу по завершении испытаний. Поль-Луи пообещал позвонить Питеру в отель.

Встреча завершилась на мрачной ноте. Садясь в такси, чтобы вернуться обратно в «Ритц», Питер чувствовал себя совершенно разбитым. Не доезжая до отеля, он вышел из машины и прошелся пешком несколько кварталов до Вандомской площади. Настроение было

подавленным. Никогда еще он не чувствовал себя так скверно, как в эти минуты. Сколько труда они вложили в викотек! А как он верил в свое дело! И вот вдруг все усилия оказались напрасными. Питер отказывался в это верить.

Неужели викотек и впрямь лекарство-убийца? Почему они не обнаружили это раньше? Как такое стало возможно? Его мечта помочь человечеству потерпела фиаско: вместо исцеления он едва не создал препарат, несущий людям смерть. Какая горькая ирония судьбы!

Питер вернулся в отель, но даже царившее здесь оживление, смех, звон бокалов и гул голосов нисколько не подняли ему настроения. Привычные посетители «Ритца» – богатые арабы и японцы, французские кинозвезды и манекенщицы со всего мира – даже не удостоились его взгляда. Погруженный в печальные мысли, он пересек вестибюль. Первым делом нужно позвонить тестю. Или лучше немного подождать, отсрочить звонок до тех пор, пока не поступит новая информация?

Он охотно поговорил бы на эту тему с женой, если бы не знал, что любые его слова обязательно станут известны Фрэнку, причем очень быстро. Это было, пожалуй, главной проблемой их с Кэти отношений. Жена не умела хранить секреты, да и не прилагала к тому усилий. Все, что обсуждали они с Питером, неизменно становилось известно ее отцу.

Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Привычка эта вошла в ее плоть и кровь. Кейт росла без матери, ее воспитывал один Фрэнк, и сколько бы Питер ни пытался, он так и не сумел отучить ее откровенничать с отцом. В конечном итоге он махнул на это рукой, зато стал проявлять осторожность, иногда кое-что утаивая от жены. Исключение составляли лишь те случаи, когда, наоборот, он намеренно хотел таким образом довести ту или иную информацию до сведения Фрэнка. Но сегодня совершенно не тот случай.

По крайней мере, торопиться с плохими новостями не стоит. Лучше дождаться новой информации от Поля-Луи и только после этого поставить тестя перед фактом.

Питер весь вечер провел в номере. Если бы не отрицательный отзыв Сушара, он бы наслаждался сейчас теплым парижским вечером. Мозг все еще отказывался поверить в случившееся. Нет, это какое-то наваждение! В десять часов он стоял на балконе, стараясь не думать о постигшей его неудаче. Увы, теперь все его мысли сосредоточились на том, насколько близки они были к заветной цели и как от слов Сушара рухнули надежды на то, что новый препарат вскоре принесет людям избавление от страданий. А ведь как он на это надеялся!

Впрочем, надежда на создание препарата все еще оставалась, а вот шансов на то, что викотек в ближайшее время будет запущен в массовое производство, практически нет. В таком случае им нет никакого смысла присутствовать на заседании FDA в сентябре. Пока препарат не доведен до ума, не стоит даже мечтать, что они получают разрешение на его клинические испытания на пациентах.

Тревожные мысли не давали ему покоя, он чувствовал себя совершенно опустошенным, и, в конце концов, в одиннадцать вечера Питер решил позвонить Кэти. Он надеялся, что ему станет легче после разговора с женой, стоит ему поделиться своими тревогами или хотя бы просто услышать ее голос.

Он набрал номер, но трубку на том конце линии никто не взял. В Америке сейчас пять часов вечера, однако дома не оказалось даже Патрика. Кэти, скорее всего, отправилась на ужин к кому-нибудь из подруг.

Питер положил телефонную трубку и некоторое время сидел неподвижно. Неожиданно на него накатила волна депрессии. Четыре года тяжелого труда в одночасье пошли насмарку! Все его мечты разбились вдребезги. И, что самое печальное, об этом даже не с кем поговорить. Досадно.

Он снова вышел на балкон и немного постоял, раздумывая, стоит ли ему выйти на прогулку. Увы, даже прогулка по чарующему ночному Парижу не помогла ему развеяться. Питер решил испробовать еще одно средство, чтобы избавиться от завладевших его сознанием демо-

нов. Он поднялся в номер, перелистал лежавший на столе рекламный проспект отеля и быстро спустился вниз, в расположенный двумя этажами ниже фитнес-центр.

На его счастье, тот был еще открыт. Питер благоразумно захватил с собой на всякий случай плавки. Ему обычно нравилось плавать в бассейне «Ритца», но сегодня он не был уверен в том, что выкроит для этого хотя бы час. И вот теперь выяснилось, что в ожидании того, когда Сушар закончит испытания, у него будет масса свободного времени для такого рода занятий. Другое дело, что сегодня он не в том настроении, чтобы получать от этого удовольствие.

Дежурный смотритель оторвался от книги, которую читал в тишине, и с нескрываемым изумлением приветствовал Питера. Время близилось к полуночи. Дежурный вручил позднему посетителю ключ от раздевалки, и вскоре Питер уже шел по мелкому бассейну с дезинфектантом к главному бассейну, просторному и красивому. Нет, он все-таки правильно поступил, что пришел сюда. Это именно то, что ему в данный момент нужно. Плавание наверняка поможет ему выбросить из головы тревожные мысли.

Питер нырнул в бассейн с глубокой стороны; его поджарое, мускулистое тело вошло в воду без брызг, как нож в масло. Проплыв под водой изрядное расстояние, он вынырнул на поверхность и поплыл длинными размеренными гребками. Добравшись до дальнего края бассейна, он увидел ее. Оливия плавала беззвучно, главным образом под водой, время от времени выныривая на поверхность и вновь скрываясь в глубине. Она была такой миниатюрной и гибкой, что терялась на фоне голубоватой воды.

На ней был простой черный купальник. Когда она выныривала на поверхность, ее каштановые волосы казались почти черными. Стоило ей заметить Питера, как в ее глазах появилось испуганное выражение. Первый день пребывания в Париже преподнес Питеру не только горькое сообщение о викотеке, но вот уже третью встречу с Оливией. К Оливии Тэтчер у него сложилось двойственное отношение – она была невероятно близка и вместе с тем так далека, что казалось, будто она обитает на другой планете.

Они какое-то время молча плавали на противоположных концах бассейна, затем несколько раз проплыли мимо друг друга, стараясь, однако, не посягать на чужое пространство. Затем, как будто сговорившись, сделали передышку на дальнем бортике бассейна. И он, и она запыхались от быстрых движений. Не зная, что делать, и не в силах оторвать от нее взгляд, Питер улыбнулся, и она улыбнулась в ответ. После чего снова поплыла, прежде чем он успел что-нибудь сказать или спросить.

Собственно, он и не собирался у нее ничего спрашивать, но у него возникло ощущение, что Оливия привыкла к тому, что люди преследуют ее или донимают вопросами, задавать которые не имеют права. Кстати, Питер удивился, заметив, что в бассейне нет ни одного телохранителя. Как будто они не знали, что жена сенатора спустилась сюда. Или же им вообще безразлично, где она. Когда он днем видел ее в обществе мужа, на нее никто не обращал внимания, никто с ней не разговаривал. Оливия словно пребывала в своем собственном замкнутом мирке, так же как и сейчас, в бассейне.

Она как раз доплыла до дальнего бортика бассейна, и Питер машинально тоже поплыл в ее сторону. Он не отдавал себе отчета в том, что делает. Как не имел представления о том, что будет, если она вдруг заговорит с ним. С другой стороны, это вряд ли произойдет. Оливия Тэтчер была из числа тех, на кого лишь смотрят, кем очаровываются, кем восхищаются, – своего рода икона или загадка. Но только не реальный человек.

Будто в подтверждение его мыслей, как только Питер приблизился к ней, Оливия грациозно выбралась из бассейна и одним быстрым движением закуталась в полотенце. Когда же он снова посмотрел в ту сторону, ее уже не было. Нет, он все-таки был прав. Это не женщина, это легенда.

Он тоже вернулся в свой номер и в очередной раз решил позвонить Кэти. В Коннектикуте сейчас было семь часов вечера, и она, наверное, уже дома, ужинает вместе с Патриком, если, конечно, не гуляет где-нибудь с подругами.

Однако – странное дело – ему расхотелось говорить с женой. Не хотелось притворяться, будто все хорошо, не хотелось лгать, утверждать, что дела обстоят прекрасно, равно как не хотелось признаваться в неудаче, о которой сообщил ему Сушар. Потому что завтра об этом уже будет знать ее отец. С другой стороны, то, что он не пообщался с ней, вызывало у Питера острый приступ одиночества – и это в Париже, в роскошном номере отеля «Ритц». В том месте, которому надлежало быть раем, но вместо этого оно стало чистилищем.

Питер лежал в постели, ощущая прикосновение к коже теплого ночного воздуха. Чувствовал он себя чуть лучше, по крайней мере, физически. Спасибо бассейну. А еще встрече с Оливией Тэтчер. Она была так прекрасна и в то же время так нереальна и – внутренний голос подсказывал ему – так отчаянно одинока.

Он не смог бы объяснить, почему ему так кажется и насколько это соответствует истине. Было ли так на самом деле, или же он где-то прочел об этом, или же понял это по ее красивым карим глазам, в которых таилась некая непостижимая загадка? Глядя на нее, это было невозможно понять. Он знал лишь то, что при взгляде на нее у него возникало желание протянуть руку и прикоснуться к ней, как к экзотической бабочке, – лишь для того, чтобы проверить, способен ли он на это и выживет ли она после его прикосновения.

Той ночью ему приснились редкие бабочки и женщина, которая разглядывала его, прячась за деревьями в густом тропическом лесу. Ему постоянно казалось, будто он заблудился, и всякий раз, когда его охватывала паника и он начинал звать на помощь, он видел ее, и она безмолвно выводила его на безопасное место. Он не мог сказать, кто она такая, но почему-то думал, что это Оливия Тэтчер.

Проснувшись утром, он все еще думал о ней. Это было странное чувство, скорее галлюцинация, а не греза. Питер всю ночь видел ее рядом с собой во сне, и теперь у него возникло чувство, будто он знает ее.

Неожиданно зазвонил телефон. Звонил Фрэнк. В Америке было четыре утра, в Париже – десять. Тесть хотел знать, как прошла встреча с Сушаром.

– Откуда ты знаешь, что я вчера встречался с ним? – сонно спросил Питер, пытаясь привести мысли в порядок. Удивляться раннему звонку особо не стоило – его тесть всегда, каждое утро встает в четыре часа утра. В полседьмого или в семь он уже у себя в офисе. Даже теперь, когда до ухода с поста председателя совета директоров его отделяли считанные месяцы, он не изменяет заведенному распорядку ни на минуту.

– Мне известно, что ты в полдень вылетел из Женевы. Не в твоих привычках понапрасну терять время. Ну, давай, выкладывай хорошие новости.

Голос Фрэнка звучал жизнерадостно, и Питер почувствовал укол совести, с предельной точностью вспоминая то, что ему сказал Поль-Луи Сушар.

– Они еще не закончили испытания, – нарочито небрежным тоном ответил Питер, надеясь, что Фрэнк не заметит в его тоне фальши. – Хочу подождать здесь несколько дней, чтобы узнать окончательные результаты.

Фрэнк усмехнулся, слушая его, и впервые его смешок подействовал Питеру на нервы. Что же он, черт побери, сейчас ему скажет?

– Боишься даже на минуту оставить свое детище, сынок?

Но Питер намек понял. Они вложили в вивоктек огромную сумму денег, затратили много сил и времени, а Питер еще и мечту всей его жизни. По крайней мере Сушар не сказал, что препарат абсолютно безнадежен, подумал Питер, сидя в кровати. Тестю он сказал лишь то, что появились кое-какие проблемы.

Нет, конечно, проблемы возникли серьезные, но все равно еще рано расставаться с надеждой и опускать руки.

– Ну что ж, наслаждайся Парижем. Мы здесь будем на своем посту. Ничего из ряда вон выходящего не предвидится. Сегодня вечером я пригласил Кэти на ужин в ресторан «21». Раз уж она не возражает против того, что ты прохлаждаешься в Париже, то и я, пожалуй, смогу без тебя обойтись.

– Спасибо, Фрэнк. Мне еще нужно побыть здесь. Хотелось бы обсудить результаты с Сушаром, когда тот закончит испытания. – Питер решил наметнуть на истинное положение дел. – Очевидно, не все так гладко, скорее всего, всплыли небольшие недоделки.

– Наверняка ничего серьезного, – отмахнулся Фрэнк, даже не насторожившись после этих слов зятя.

Результаты, полученные в Германии и Швейцарии, были слишком обнадеживающие, чтобы вызвать реальную озабоченность. Питер тоже так считал, пока Поль-Луи не предупредил его, что викотек несет в себе потенциальную угрозу. Оставалось надеяться, что это лишь досадное недоразумение и в конце недели выяснится, что все проблемы – сущие пустяки.

– Чем же ты собираешься занять себя в эти дни? – поинтересовался Фрэнк.

Он всегда поддерживал дружеские отношения со своим зятем. Питер был человеком разумным и покладистым и оказался отличным мужем для его дочери. Он позволял Кэти заниматься всем, чем ей хочется, и никогда даже не пытался вмешиваться в ее дела. Она жила там, где ей нравилось, а сыновей отправил учиться туда, куда сочла нужным, – в Эндовер и Принстон.

Питер каждый год приезжал на Мартас-Виньярд и уважал отношения, сложившиеся между его женой и ее отцом много лет назад. Кроме того, он был успешным президентом фирмы «Уилсон-Донован». Он был хорошим отцом своим сыновьям. Фактически в Питере Фрэнку нравилось почти все, за исключением незначительных мелочей. Например, зять порой проявлял упрямство, не желая отдавать мальчишек в частную школу, или по ряду других семейных проблем, которые – как казалось Фрэнку – его не касались.

Маркетинговые идеи Питера уже вошли в историю корпорации – благодаря ему «Уилсон-Донован» стала самой успешной фармацевтической фирмой страны. В свое время Фрэнк создал ее буквально с нуля, превратив семейный бизнес в гигантское предприятие, но именно Питер помог ей стать международной империей. О нем регулярно писали журналисты «Нью-Йорк Таймс», а «Уолл-стрит Джорнэл» назвал его «вундеркиндом от мира фармацевтики».

Совсем недавно репортеры хотели взять у него интервью о викотеке, но Питер отказался, сославшись, что еще не готов ответить на их вопросы. А Конгресс США недавно пригласил его выступить на заседании одного из подкомитетов в рамках обсуждения этических и экономических вопросов, связанных с ценообразованием лекарств. Правда, Питер пока еще не назвал им конкретной даты, когда он мог бы там выступить.

– Я захватил с собой кое-какие проекты, – ответил Питер, глядя на залитый солнечным светом балкон. Сказать по правде, у него не было абсолютно никакого желания заниматься какими-либо делами. – Думаю, что сделаю кое-что на компьютере и отошлю готовые файлы в офис. А еще хочу прогуляться по городу, – добавил он, думая, что у него впереди еще целый день.

– Не забудь запастись шампанским, – со смешком посоветовал Фрэнк. – У вас с Сушаром скоро появится хороший повод отпраздновать приятное известие. Мы тоже отпразднуем это событие, когда ты вернешься домой. Позвонить мне сегодня в «Таймс»? – поинтересовался он.

Питер нервно мотнул головой и, как был, голышом, встал с кровати и прикрыл бедра простыней.

– Я бы не стал с этим торопиться. Лучше подождем окончательных результатов, чтобы уже не оставалось никаких сомнений, – рассудительно произнес он, гадая, видит ли кто-нибудь

его в открытом окне? Темные волосы взъерошены, вокруг талии замотана простыня. До гостиничного халата не дотянуться – тот висел на спинке антикварного парчового кресла, которое стояло на другом конце комнаты.

– Не будь таким мнительным, – посоветовал Фрэнк. – Результаты превзойдут твои ожидания, вот увидишь. Позвони мне сразу, как только что-то узнаешь, – добавил он, внезапно ощутив, что ему самому не терпится взяться за работу.

– Обязательно, – пообещал Питер. – Спасибо, что позвонил, Фрэнк. Передай Кэти, что я люблю ее, на тот случай, если увидишь ее раньше, чем я до нее дозвонюсь. Вчера ее не было на месте весь день; я так и не застал ее по телефону. А сегодня еще слишком рано, чтобы звонить ей.

– Она у нас особа деловая, – пошутил Фрэнк с явной ноткой гордости в голосе.

Для него Кейт так и осталась милой дочуркой. Впрочем, она очень мало изменилась с тех пор, как училась в колледже. Она выглядела почти так же, как и двадцать четыре года назад, когда Питер познакомился с ней. Стройная, белокурая, «очень хорошенькая», как, впрочем, до сих пор говорят о ней друзья, и очень спортивная. Она коротко стриглась, а голубые глаза делали ее похожей на очаровательного эльфа, за исключением, правда, тех моментов, когда кто-то смел ей перечить. Она была хорошей женой для Питера, прекрасной матерью для их сыновей и идеальной дочерью для Фрэнка. Оба это отлично знали.

– Обязательно передам ей твои слова, – пообещал Фрэнк и положил трубку.

Питер остался сидеть, глядя в окно. Что же он скажет тестю, если предположение Сушара подтвердится? Как они оправдают миллионы, потраченные на создание препарата, и миллиарды недополученной прибыли, на которую рассчитывали? А сколько еще денег уйдет на последующее исправление ошибок и решение проблемы? Фрэнк вряд ли согласится раскошиться на проведение дополнительных исследований.

Согласится ли он довести виковтеки до ума или же решит отказаться от проекта? Как председатель совета директоров тесть обладал решающим голосом, однако Питер был готов сражаться до победного конца. Как всегда бывал готов долго и упорно идти к намеченной цели, если та обещала солидную выгоду. Фрэнк же предпочитал победы яркие, быстрые и помпезные. Питеру нелегко дали последние четыре года – Фрэнк явно рассчитывал на срок примерно вдвое меньший. Вряд ли он согласится ждать еще пару лет, даже год. Особенно если принять во внимание, во что им обойдется это ожидание.

Питер заказал в номер кофе и круассаны, после чего вновь взялся за телефонную трубку. Он понимал, что ему лучше дожидаться звонка от Сушара, но удержаться не смог. Ему ответили, что доктор Сушар сейчас в лаборатории и его нельзя отрывать от дел. В данный момент происходит важное совещание. Питеру оставалось лишь извиниться и вернуться в состояние мучительного ожидания. Казалось, томительное напряжение растянется на целую вечность, прежде чем он, наконец, узнает о результатах теста. С момента их встречи с Сушаром не прошло и суток, а Питер уже не находил себе места.

Наконец принесли завтрак. Питер раздумывал, не сходить ли ему в бассейн, однако решил, что плескаться в бассейне в рабочее время – легкомысленное расточительство. Мучимый совестью, он открыл портативный компьютер и, жуя круассаны и запивая их кофе, принялся просматривать файлы. Увы, сосредоточиться на работе никак не удавалось. В полдень он выключил компьютер, принял душ и оделся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.